

ВЫ ЗНАЕТЕ ПРАВИЛА ИГРЫ.
ВАМ НУЖНО ВЫЖИТЬ. НО ЭТО ВРЯД ЛИ...

АНЖЕЛА
МАРСОНС

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Продолжение серии
о легендарной
женщине-инспекторе
Ким Стоун

Инспектор полиции Ким Стоун

Анжела Марсонс

Детские игры

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Марсонс А.

Детские игры / А. Марсонс — «Эксмо», 2019 — (Инспектор полиции Ким Стоун)

ISBN 978-5-04-169843-0

Международный бестселлер. Продолжение серии о легендарной женщине-инспекторе Ким Стоун. **ВЫ ЗНАЕТЕ ПРАВИЛА ИГРЫ. ВАМ НУЖНО ВЫЖИТЬ. НО ЭТО ВРЯД ЛИ...** Вечерет. В парке Хайден-Хилл сидит на детских качелях женщина лет шестидесяти. Она неподвижна и не раскачивается. Но если приглядеться, то можно увидеть, что ее тело прикручено к качелям колючей проволокой. Женщина мертва. А на шее у нее вырезана буква Х... На место ужасного преступления прибывает детектив-инспектор Ким Стоун. Она выясняет, что жертва была некогда профессором детской психологии. Затем находят еще два тела с такими же отметинами на шеях. Все убийства так или иначе связаны с известными детскими играми, и Ким понимает, что охотится за изощренным серийным убийцей. В конце концов она обнаруживает, что убитые когда-то участвовали в ежегодных турнирах для одаренных детей... Анжела Марсонс — одна из самых успешных авторов в жанре детектива. В мире продано более 5 000 000, а в России — около 100 000 экземпляров ее книг. У автора огромная армия преданных поклонников. Они восхищаются острым умом и негибимой волей главной героини, подлинностью характеров персонажей, напряженными сюжетами и невероятными эмоциями, которые дарит чтение романов Анжелы.

«Для меня Марсонс — королева жанра. Она знает, как по-настоящему очеловечить детективные сюжеты...» — Postcard Reviews «Это просто вау! Полицейский детектив в лучшем своем виде. Сложный, интригующий и поглощающий читателя без остатка...» — Rachel's Random Reads

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-169843-0

© Марсонс А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Пролог | 7 |
| Глава 1 | 9 |
| Глава 2 | 11 |
| Глава 3 | 14 |
| Глава 4 | 17 |
| Глава 5 | 19 |
| Глава 6 | 22 |
| Глава 7 | 24 |
| Глава 8 | 26 |
| Глава 9 | 29 |
| Глава 10 | 31 |
| Глава 11 | 33 |
| Глава 12 | 34 |
| Глава 13 | 36 |
| Глава 14 | 39 |
| Глава 15 | 41 |
| Глава 16 | 43 |
| Глава 17 | 46 |
| Глава 18 | 48 |
| Глава 19 | 49 |
| Глава 20 | 52 |
| Глава 21 | 55 |
| Глава 22 | 56 |
| Глава 23 | 59 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 60 |

Анжела Марсонс

Детские игры

*Эта книга посвящается Дžезу Эдвардсу
Просто спасибо тебе*

Angela Marsons

Child's Play

Copyright © Angela Marsons, 2019. First published in Great
Britain in 2019 by Storyfire Ltd trading as Bookouture

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2022

Пролог

Зима 2010 года

– Послушай, что тебе надо? – рявкает она, потирая руки, совсем как в детстве.

Но мое детство закончилось. Я уже не ребенок. И меня душит злоба. Однако ей об этом знать необязательно. Пока необязательно.

– И что, черт побери, ты здесь делаешь? – спрашивает она, оглядывая безлюдный парк. На улице середина января, плюс один по Цельсию, и до полного захода солнца остается двадцать минут.

Моя надежда оправдалась – обещание того, что у меня есть для нее кое-что интересное, выманило ее на свет Божий.

– Присаживайся, и получишь свой подарок, – говорю я, похлопывая ладонью по сиденью карусели рядом с собой.

Она заметно колеблется, но в конечном счете любопытство берет верх.

Восемь лет эта картина стояла у меня перед глазами...

– Ну же, и какого черта?..

– Помнишь, как ты водила меня сюда на прогулки?

– Э-э-э-э... я... – неуверенно мычит она.

– Помнишь, как мы вместе качались на качелях, ты крутила меня на карусели и играла со мной в мяч?

– Послушай, сейчас уже слишком поздно. Я хочу домой, – говорит она, и в ее голосе слышится страх.

Она понимает, что здесь что-то не так.

И отодвигается от меня.

Я хватаю ее за руку.

– Не помнишь? Да неужели? А все потому, что ты этого никогда не делала, сука ты гребаная. – Поворачиваю ее лицом к себе.

– Какого?..

Сотни раз все это снилось мне во сне, и теперь я действую на автомате.

От резкого удара правой рукой в висок она теряет сознание.

На моем лице появляется искренняя улыбка. Это почти так же здорово, как и представлялось в мечтах.

Свет дня меркнет, и мне приходится работать быстро, так как я не знаю, сколько она пробудет в отключке.

Когда я затягиваю последний узел на ее коленке, она начинает стонать.

– Послушай, что ты...

– Нигде не давит? – спрашиваю я, отступая на шаг и любуясь проделанной работой.

Ее раскинутые в стороны ноги намертво прикручены к сиденью цепной карусели, а лицо смотрит вниз. Тело изогнуто таким образом, что верхняя его половина свисает к земле, а голова касается *бетонной* поверхности площадки. Руки у нее связаны за спиной.

– Послушай, я сейчас блевану...

– Пусть это будет твоей самой большой проблемой на сегодня. – Страх в ее голосе и попытки освободиться доставляют мне истинное наслаждение.

– Чер-р-р-рт, – рычит она, когда колючая проволока глубоко впивается ей в кисти рук. Задумка кошмарная, но так приятно видеть ярко-красные результаты ее мучений...

– А ведь надо было привести меня сюда хотя бы один раз, – говорю я и начинаю вращать карусель.

Ее голова шаркает о *бетон*, и она издает вопль ужаса.

Я улыбаюсь и продолжаю вращать карусель – здесь ее никто не услышит. Дома, для которых был разбит этот парк, расселили много лет назад, после того как два коттеджа провалились в давно выработанную старую шахту.

А те дети, которые здесь появляются, приезжают издалека – и уж точно не в такие ночи.

– П... прошу тебя! О... ост...

– Заткнись. Наступил мой черед. – С этими словами я сильнее раскручиваю карусель. С каждым поворотом на *бетонном* покрытии остаются клочья волос. – Ты еще пожалеешь о том, что не играла со мной... – приговариваю я, разгоняя карусель.

Ее поверхностное, прерывистое дыхание смешивается с криками боли, которые раздаются всякий раз, когда ее голова касается *бетона*.

Постепенно крики превращаются в короткие взвизгивания – по-видимому, она начинает терять сознание.

Направление движения меняется, скорость возрастает, и колючая проволока все глубже и глубже врезается в ее тело.

Наконец-то мы играем в игру. В игру, выбранную мной.

На *бетонном* покрытии появляется кровавый круг.

Скорость возрастает еще больше, и теперь сиденья карусели мелькают у меня перед глазами.

– Надо было раньше меня слушать! – Этот крик совпадает с максимальным усилием с моей стороны.

Теперь она уже не кричит, а только скулит.

Кровь рекой льется на *бетонное* покрытие. К нему прилипают клочья кожи.

Наконец раздается звук лопнувшего черепа, и она замолкает навсегда.

Последнее усилие, и я отступаю назад.

– Тебе надо было играть со мной, – говорю, зная, что она меня уже не слышит.

Безжизненное тело продолжает крутиться на карусели, а я удаляюсь.

Глава 1

Настоящее время

Ким Стоун появилась перед лентой, огораживающей место преступления, в одиннадцать часов двадцать девять минут вечера. Солнце зашло уже больше трех часов назад, но августовский воздух все еще хранил его тепло.

Она велела диспетчерской связаться с ее напарником, детективом сержантом Брайантом, но его «Астры»-универсала еще не было видно среди машин полиции, «Скорой помощи» и фургона коронера¹. Стоун заметила, что две последние машины стояли рядом, хотя понадобиться могла только одна из них.

Снимая шлем, она задумалась, от чего мог оторвать Брайанта неожиданный вызов. Зная его, Ким решила, что он как раз засыпал под звуки криминального телевизионного канала, звучавшие где-то на заднем фоне.

Сама она как раз собиралась вывести Барни на позднюю прогулку. Пришлось быстро возвращаться, пообещав, что позже он вдоволь набегается по парку, когда она вернется домой, независимо от времени. Ким не стала говорить, что вызывают ее в Хайден-Хилл-парк, испугавшись, что пес может не простить ее, узнав, что она едет именно в тот парк, в котором они часто совершали ранние утренние прогулки.

Хайден-Хилл-Хаус был викторианским поместьем, построенным в 1878 году на парковой территории Хайден-Бест Джорджем Альфредом Хайденом. Изначально он хотел полностью разрушить большой Хайден-холл и расширить свое жилище, но в Олд-холле проживала его пожилая тетушка, вдова сквайра. А к тому времени, когда она в 1903 году умерла, желание расширяться пропало и два здания так и остались стоять рядом.

После смерти Джорджа Хайдена в 1921 году сам дом, Олд-холл, сады и 55 акров земли были выкуплены на деньги, собранные по подписке, и превращены в парк. Позже Олд-холл и Хайден-холл использовались в качестве приюта для семей беженцев и бомбоубежища. После сильного пожара Олд-холл много лет лежал в руинах, пока доходы от общественной лотереи не позволили восстановить его во всем былом великолепии.

Ким направили к входу со стороны Хайден-Парк-роуд, который вел к детской игровой площадке, расположенной в верхней части территории всего в нескольких шагах от реставрированного здания. С десятков зевак уже вытягивали шеи, чтобы заглянуть за спины сотрудников полиции и за патрульные полицейские машины. В соседних домах открывались все новые и новые двери – их жители перестали притворяться и подглядывать из окон своих жилищ.

Показав удостоверение, Ким нырнула под заградительную ленту и направилась в сторону светоотражающих жилетов и многочисленных фонарей, включенных ввиду отсутствия уличного освещения.

Полицейские раздвинулись и дали ей возможность пройти в центр группы, мимо парамедиков², которых, очевидно, уже отпустили, но те предпочли принять участие в дискуссии, происходившей рядом с детскими качелями в виде жирафа.

– Привет, Китс, – поздоровалась инспектор, заметив миниатюрного патологоанатома, рывшегося в служебной сумке, установленной на каком-то мультяшном персонаже.

¹ В некоторых странах англосаксонской правовой семьи должностное лицо, специально расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и непосредственно определяющее причину смерти.

² В англоговорящих странах специалист с медицинским образованием, работающий в службах медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе.

Мужчина печально покачал головой, и это заставило Ким задуматься над истинной причиной ее вызова. А потом до нее вдруг дошла настоящая причина его огорчения, и Стоун поняла, что причина эта не имеет никакого отношения к совершённомu преступлению.

– Он вот-вот подъедет, – сообщила она, смиряясь с тем фактом, что патологоанатом любит ее напарника больше, чем ее, и даже не пытается скрывать это. Ким это ничуть не волновало. Большинство относилось к ней точно так же.

Но вот на мрачной физиономии патологоанатома медленно появилась улыбка. А это означало только одно – на месте преступления появился Брайант.

– Вечер добрый, Китс, – поздоровался ее коллега, улыбаясь и протягивая руку.

Ким бросила на него взгляд, который он предпочел проигнорировать.

– Так вот как ты приветствуешь... – ухмыльнулся Китс.

– Я прошу прощения, но кто-то сказал мне, что где-то здесь лежит труп, – прервала его Ким, демонстративно оглядываясь по сторонам.

– Вы совершенно правы, инспектор, и до бедняги еще никто не дотрагивался – проверили только, подает ли он признаки жизни.

– Прекрасно. Направьте же меня...

– Парни, – Китс кивнул в сторону группы одетых в форму полицейских.

Неожиданно площадка слева от Ким осветилась, как будто на нее направили лучи всех фонарей, соединив их в один, напоминающий луч ramпы, освещающий сцену.

Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы привыкли глаза. За это время Брайант подошел и остановился рядом. И так же, как и она, резко втянул воздух.

– Что, твою мать, все это значит? – произнес он, всего на долю мгновения опередив Ким.

Глава 2

Сначала Ким увидела фигуру пожилой женщины, сидящей на крайних справа цепных качелях. Ее сумочка была аккуратно поставлена возле металлического каркаса. Она не была открыта или порвана – просто стояла с плечевым ремешком, свернутым с левой стороны.

Инспектор перешла к более внимательному изучению жутковатой картины, раскинувшейся перед ней.

У женщины были густые седые и хорошо уложенные волосы. Даже в свете электрического фонаря была видна помада на привлекательном лице, носившем следы прожитых лет, которые еще не успели превратиться в глубокие морщины. В ушах поблескивали небольшие жемчужные сережки-гвоздики, составляя единый ансамбль с единственной ниткой жемчуга, украшавшей шею жертвы, которая, как и лицо, не избежала, к сожалению, влияния прошлого. Ожерелье пряталось под белым воротничком блузки, поверх которой был надет летний кардиган с рукавами в три четверти. Расклевенная юбка синего цвета была украшена мелкими желтыми цветочками – сейчас она доходила чуть ниже колен, но, если бы женщина стояла, была бы немного длиннее. На ногах жертвы были капроновые чулки и синие туфли-лодочки на двухсантиметровых каблуках.

То есть это была пожилая леди, вышедшая на прогулку в парке и решившая покачаться на качелях – то ли чтобы претворить в жизнь мечту детства, то ли не в силах сопротивляться импульсивному желанию. На вид все совершенно безобидно. За исключением двух моментов: ярко-красного пятна на груди ее блузки и колючей проволоки, обмотанной вокруг кистей рук.

Тело, казалось, готово было упасть вперед, но его удерживала на месте жуткого вида проволока, обмотанная вокруг цепей качелей. Ноги были слегка согнуты, носки туфель упирались в землю.

– Какие-то сексуальные игрища, которые пошли не по сценарию? – предположил Брайант.

– Пока не знаю, – ответила Ким, с трудом отводя глаза от жертвы.

Если убрать колючую проволоку, то при дневном освещении легко было представить себе, как эта улыбающаяся женщина раскачивается на качелях вместе со своим внуком или внучкой, повизгивающими от восторга. Все это могло вызвать лишь смех и улыбки. А вот ночью, даже без пятна крови на блузке и колючей проволоки, сцена выглядела бы зловеще и не по-хорошему притягательно.

– Кто ее обнаружил? – спросила Ким, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Парень возле скалодрома, – сказал один из постовых. – И не наступите в лужу. Это его рук дело.

– Хочешь, чтобы я?.. – Брайант повернулся и посмотрел в сторону свидетеля.

– Нет, – ответила инспектор. – Лучше посмотри, что у нее в сумочке. Против этого Китс наверняка не будет возражать.

Патологоанатом не любил, когда на месте преступления что-то трогали до того момента, как все осмотрят криминалисты, но «мужская дружба» между этими двумя давала Брайанту некоторую свободу действий. А вот ее личные стычки с Китсом в самом начале расследования редко давали хороший результат.

Ким знала, что во многом симпатия Китса к ее напарнику объяснялась его сочувствием Брайанту, которому каждый божий день приходилось иметь дело с Ким. Так что Китс считал, что Брайанту и так достается.

«И иногда с ним нельзя не согласиться», – подумала инспектор, аккуратно обходя лужу блевотины и приближаясь к светловолосому мужчине. Тот сидел, уставившись глазами в землю, обхватив руками согнутые колени и опираясь спиной о скалодром.

Детектив решила, что ему где-то лет двадцать пять. Одет он был в темные джинсы и свитер.

– Привет, – поздоровалась она, показывая свое удостоверение.

Молодой человек с трудом встал.

– Все в порядке. Если хотите, можете...

– Офицер, сейчас я просто хочу уйти домой. Мне сказали, что после того, как поговорю с детективом, я смогу...

– Хорошо, хорошо... – Ким посмотрела на женщину-полицейскую, стоявшую рядом с ней.

– Эрик, – подсказала та. – Эрик Хансон из...

– Спасибо, – поблагодарила Стоун, надеясь, что молодой человек не онемел от всего увиденного.

Взгляд молодого человека непроизвольно вернулся к качелям. Голова у него затряслась.

Встав перед ним, Ким заблокировала ему вид на качели. Затем кивнула на пластиковую бутылку с водой, которую он держал в руках.

– Глотни, приятель.

– Со мной все в порядке, благодарю, – ответил свидетель, покачав головой.

– Итак, Эрик, что же произошло? – начала Ким.

– Она просто... Я посмотрел и...

Он смотрел куда-то мимо детектива, не в силах забыть сцену, на которую наткнулся. Но Ким вовсе не нужно было, чтобы он вновь и вновь возвращался к этому ужасу. Ей нужны были факты.

– А теперь послушайте меня, Эрик, – сказала Ким, возвращая его в настоящее. – Во сколько вы пришли в парк?

– Где-то в половине десятого, – ответил мужчина, переводя взгляд на лицо Ким. – Просто хотел выгулять последнюю пинту, выпитую в клубе. Немного размяться.

– То есть вы пришли оттуда? – уточнила детектив, указав на тропинку, идущую от клуба.

Хотя крикетный клуб Олд-холл не был частью парка, его с ним соединяла тропа, проходившая как раз рядом с тем местом, где Ким недавно припарковалась.

– Ага. Выпил пару пинт с приятелями и...

– И пока вы шли, мимо вас никто не проходил?

Мужчина покачал головой.

– Подходя, вы ничего не слышали?

– Ничего. Вокруг стояла мертвая...

Эрик внезапно замолчал – это последнее слово вновь заставило его вспомнить то, что он увидел.

– То есть вы ничего не видели и не слышали и сразу же вызвали полицию? – уточнила Ким.

Он кивнул.

– Что вы сделали потом?

– Что вы имеете в виду? – переспросил Эрик, внезапно краснея.

– Вы ее не трогали?

Поколебавшись, мужчина отрицательно покачал головой.

– Вы в этом уверены? – не отставала от него Ким. Для нее это было важно.

– Мне очень жаль, но я не проверял... То есть я не смог...

Ким поняла причину его смущения и попыток уклониться от ответов на прямые вопросы. Он чувствовал себя не в своей тарелке, потому что не набрался смелости и не подошел к жертве, чтобы проверить, жива ли она.

– Все в порядке. Думаю, что вы уже ничем не могли ей помочь.

Эрик благодарно улыбнулся ей, и в этот момент к ним подошел Брайант.

– Ладно, Эрик, мы свяжемся с вами, если нам понадобится что-то еще. Если вы что-то вспомните, то позвоните.

Мужчина понимающе кивнул, а Ким поймала взгляд полицейской, которая все еще стояла рядом.

– Пусть его отвезут домой.

– Будет сделано, мэ.м.

– Ну что? – Ким повернулась к коллеге.

– Приехал Митч, и сейчас они с Китсом обсуждают, как снять ее с качелей.

– А имя ты выяснил?

– Белинда Эванс, шестидесяти одного года от роду. Проживает в Уомбурне³ и водит «БМВ» пятой серии. Машине меньше двух лет.

Ким приподняла бровь. За последние пару минут Брайант успел узнать гораздо больше, чем она.

– В сумочке ключи от машины, нетронутый кошелек, водительское удостоверение, небольшая косметичка, ручка, очки и упаковка мятных таблеток. Мобильного нет.

– А ее машина?

– Припаркована без всяких нарушений ярдах в пятидесяти от ворот парка. Заперта. Следы борьбы отсутствуют.

– Отличная работа, Брайант. – С этими словами Ким направилась к выходу из парка. – По большей части эта информация абсолютно бесполезна, но тебе удалось-таки обнаружить один чрезвычайно важный и нужный факт.

– А именно?

– Что Белинда Эванс приехала в парк по собственному желанию.

³ Уомбурн – большая деревня и гражданский приход, расположенный в округе Южный Стаффордшир, в графстве Стаффордшир, в 4 милях к юго-западу от Вулверхэмптона и сразу за пределами графства и агломерации Уэст-Мидлендс.

Глава 3

Войдя в комнату отдела, Ким немедленно почувствовала, что в ней что-то изменилось. И это не было связано с тем, что, когда она в 7.30 утра уходила из комнаты на брифинг к Вуди относительно произошедшего накануне, та была пуста, а теперь в ней было полно народу. Вовсе нет. Это было вполне ожидаемо. Изменения носили более деликатный характер.

А, теперь все понятно...

– Брайант, почему Бетти стоит у тебя на столе?

Сержанта еще никогда не награждали растительным призом за его успехи в работе.

– Я же говорила... – Стейси хихикнула.

– Да я просто приглядывал за ней, командир, пока Пенн отсутствовал большую часть недели, – Брайант помолчал. – Ну, и вообще, хотелось посмотреть, как она будет смотреться на моем столе.

– Тогда заслужи ее, – сказала Ким, возвращая растение на подоконник. – И что, черт возьми, у тебя на ногах, Пенн? – спросила она, поворачиваясь к аудитории и складывая руки на груди.

– Кроссовки, босс.

В отличие от человека, бывшего членом ее команды до него, Пенна никак нельзя было назвать иконой стиля. Обычно он носил простые черные брюки и белую рубашку, что художественно отвечало ее понятиям об офисном стиле одежды. А вот костюм на нем немедленно становился таким же унылым, как и его хозяин.

Нельзя сказать, что Ким была специалистом по мужской моде, но тот серый костюм из толстой ткани в узкую полоску, который Пенн обычно надевал на слушания в суде, вышел, казалось, прямым из девяностых. Его непослушные светлые волосы мало что добавляли к его внешнему виду, но Ким с радостью заметила, что сегодня он отказался от банданы и попытался причесать свою копну с помощью каких-то специальных мужских средств.

Но эти кроссовки!

– Послушай, Пенн, я не знаю, как к этому относился Тревис, но, когда ты собираешься в суд – даже если это одно из твоих прошлых дел, – ты идешь туда как член этой команды; ты представляешь ее...

– Они под столом, командир, – раздался голос Брайанта у нее за спиной.

– Что?

– Его ботинки. Они под столом. Я не мог промолчать. Вы слишком легко на все это купились.

Хихикнув, в свою очередь, Пенн наклонился и стал развязывать шнурки.

– Боже, да вы, оказывается, еще и юмористы, – инспектор покачала головой.

– Но ведь я же еще вернусь сегодня, босс, а? – с надеждой в голосе произнес Пенн. – Суд закончится где-то часа в четыре...

Брайант и Стейси замерли в ожидании ответа Ким.

Ей мучительно хотелось согласиться с сержантом.

– Нет, Пенн. Отправляйся прямо домой. Вуди тверд как скала.

Раздался коллективный стон разочарования.

– От меня это никак не зависит, ребята, – Ким подняла руки, как бы защищаясь.

Она лично видела меморандум, разосланный около месяца назад во все отделения полиции Западного Мидленда⁴. И сначала радостно его проигнорировала. Пока босс не вызвал ее к себе в кабинет и не вручил ей личную копию.

⁴ *Западный Мидленд* (Уэст-Мидлендс) – церемониальное метрополитенское графство на западе Англии. Входит в состав

Полиция переживала очередной кризис. Цифры поступивших на работу снижались, а количество насильственных преступлений росло, так что уровень истощения духовных и физических сил сотрудников достиг заоблачных высот.

– Вы требуете от них слишком многого, – сказал Вуди, помахивая перед ней копией меморандума.

– И что, я в этом как-то виновата? – задала вопрос Ким. У нее была команда из трех человек, и даже если бы она полностью истощила их и физически, и морально, на общие цифры это повлияло бы очень мало.

– Вы отлично меня понимаете, – проворчал Вуди.

– Но я внимательно слежу за ними всеми, – попыталась возразить инспектор.

– Они как собаки, Стоун.

– Простите, сэр?

– Они стараются не показывать свои проблемы, – пояснил ее начальник. – Офицеры полиции редко признаются в них добровольно. Вместо этого они пытаются справиться с ними в одиночку. А когда это выходит наружу, то оказывается слишком поздно.

– И что же мне делать?

– Давайте им отдохнуть, Стоун. Вы должны строить работу таким образом, чтобы у них хватало времени на полноценный отдых. Постарайтесь использовать их посменно и внимательно следите за признаками эмоционального выгорания.

Ким приподняла одну бровь.

– Ну, я не знаю. Возможно, в вашем случае стоит следить за изменениями в поведении или за какими-то физическими проявлениями – агрессией, невоздержанностью, замкнутостью... Да здесь все написано. – Вуди вновь взмахнул меморандумом у нее перед глазами.

– Я вас услышала, сэр, но у меня есть один вопрос, – сказала Ким, глядя на листок бумаги у него в руках.

– Я слушаю...

– Злодеям этот меморандум тоже разослали?

Если она правильно помнила, именно после этого вопроса Вуди всучил ей документ и велел убираться.

Трудно было подобрать худшее время для суда по делу Пенна. Любой другой день в прошедшие пару недель не вызвал бы у нее никаких возражений – они занимались рутинной работой после завершения большого расследования преступлений одного психа, занимавшегося реконструкцией наиболее психотравматических моментов из ее прошлой жизни⁵.

К сожалению, КСУП⁶ не консультировалась с ее ежедневником, назначая слушания по делам, связанным с убийствами. И, так как дело шло о последнем крупном расследовании Пенна в полицейском управлении Западной Мерсии⁷, она не могла не разрешить ему присутствовать на суде. Тем более что он был офицером, арестовавшим преступника.

– Ладно, давайте приступать к делу, – с этими словами Ким устроилась на краю стола, обращенного лицом к чистой доске. – Белинда Эванс. Возраст шестьдесят один год. Была найдена ночью в парке Хайден-Хилл привязанной к качелям. Хорошо одета. Приехала туда по собственному желанию, однако мобильный телефон нигде не обнаружен. Живет в благополуч-

одноименного региона. В состав графства входят города Бирмингем, Вулверхэмптон и Ковентри, а также расположенная между ними урбанизированная территория.

⁵ См. роман А. Марсонс «Смертельные воспоминания».

⁶ Королевская служба уголовного преследования – система государственных органов исполнительной власти, осуществляющая уголовное преследование лиц, совершивших преступление, а также поддержание обвинения со стороны государства по серьезным уголовным делам в суде Короны.

⁷ Полиция Западной Мерсии, ранее известная как Полицейские силы Западной Мерсии, – территориальное управление полиции, отвечающее за охрану округов Херефордшир, Шропшир (включая Телфорд и Рекин) и Вустершир в Англии.

ном районе Уомбурна и до сего времени с полицией никаких дел не имела. Стейс, выясни все что можно о нашей жертве. Мы с Брайантом съездим к ней домой до встречи с Китсом по результатам вскрытия, которая назначена на десять утра.

– Все поняла, босс, – ответила констебль, поворачиваясь к компьютеру.

– Вуди поручил подомовой обход инспектору Планту и его команде, принимая во внимание то, что Пенн на этой неделе находится в отпуске.

Обычно это была работа Пенна. Сержант покачал головой.

– Кто, черт побери, мог захотеть обидеть старую...

– Послушай, приятель, ей только шестьдесят один, – заметил Брайант, который из всех присутствовавших был наиболее близок к этому возрасту. – Кроме того, я ставлю на Элеонору.

– Какую Элеонору? – Ким нахмурилась.

– Я не знаю ее фамилию, но говорят, что она бродит по парку в поисках своего любимого – монаха, которого живьем замуровали в стене и...

– А может быть, это Анни-Элиза... – предположила Стейси, широко открыв глаза. – Она жила там совсем одна-одиношенька, без детей и без мужа и...

– А вдруг это Иветта? – добавил Брайант.

– Кто-нибудь вспомнит еще каких-нибудь призраков? – спросила инспектор, направляясь в свой закуток.

– Да нет, она абсолютно реальна. Включена в программу «Самых разыскиваемых преступников Великобритании», и они должны были расследовать...

– Закончили шуточки, – сказала детектив, беря свою куртку.

Она бросила взгляд на доску, на которой сейчас было записано всего несколько подробностей произошедшего. Сейчас Белинда Эванс представляла собой лишь перечень отдельных фактов, собранных на месте преступления, но у инспектора было сильное подозрение, что очень скоро она превратится в нечто несравненно большее.

Глава 4

Уомбурн был деревней в Южном Стаффордшире. Англосаксонские корни ее жителей позволили им сохранить дух единой общины, несмотря на множество окружавших их коттеджных поселков, являвшихся результатом поспешных попыток решить проблему перенаселения ближайшего города Вулверхэмптона.

Брайант остановился за полицейской машиной на Трайдент-роуд, в нескольких кварталах от деревенского луга⁸.

Выбравшись из машины, Ким заметила, что половина фронтальной части одиноко стоявшего дуплекса с двумя отдельными входами была недавно покрашена. Решетчатая изгородь высотой по пояс окружала палисадник и исчезала где-то за домом. По обеим сторонам одной из входных дверей висели две одинаковые корзины с одинаковыми цветами белого и розового цвета. Эта половина здания и участок выглядели прибранными и аккуратными, причем расчитано все было так, чтобы свести уход за ними к минимуму.

– Хотел бы я, чтобы у моей хозяйки было нечто подобное, – простонал Брайант, показывая констеблю у входа свое удостоверение. – От этих проклятых цветов у нас в доме я только чихаю и...

– Подожди минутку, – прервала его Ким, возвращаясь к полицейскому у ворот. – Что-нибудь интересное? – спросила она, оглядывая улицу.

– Больше чем, мэм, – ответил офицер. – Леди из дома номер семнадцать больше часа наблюдала через окно в спальне, а двадцать минут назад куда-то уехала. Жители из дома номер двадцать один сорок пять минут не могли догадаться, что нам все видно через эти сетчатые занавеси, а мистер Блэнкинсон из дома номер тринадцать готовит отличный чай.

Ким улыбнулась. По собственному опыту она знала, что существуют четыре типа соседей. Первый, и наиболее любимый лично ею, состоял из тех, кому было абсолютно наплевать на то, что происходит за порогом их собственного дома. Второй включал в себя тех, кто хотел это узнать, но не хотел, чтобы об этом знали другие. Третья группа не скрывала свое любопытство, но ей все очень быстро надоедало. И, наконец, самая интересная с профессиональной точки зрения группа соседей – таких как, например, мистер Блэнкинсон; они не только не скрывали свою заинтересованность, но и активно пытались узнать у полиции, что же все-таки происходит.

– А вот и я, – сказала инспектор, догоняя Брайанта, уже успевшего войти в холл. – Наблюдательный парень, – заметила она, обернувшись на полицейского у ворот.

– Тогда награди его растением в горшке, – предложил сержант, поворачивая налево.

Его многочисленные неудачные попытки получить горшок с цветком в качестве служебной награды уже давно стали постоянным источником шуток в отделе. И сам Брайант всю подыгрывал шутникам.

– Судя по всему, стандартная планировка, – заметил он. – Жилая часть – слева, а спальни – справа. Все вполне приличных размеров.

Стены холла были поклеены тисненными обоями, которые позже покрыли матовой эмульсией цвета приглушенной магнолии.

– И сколько, по-твоему? – спросила Ким, осматривая гостиную. Бунгало в этом районе были довольно дороги.

⁸ Общая открытая территория в пределах деревни или другого населенного пункта. Исторически деревенский луг был обычным пастбищем. В настоящее время – открытое пространство для встреч местных жителей, которое может использоваться для общественных торжеств, праздников или собраний.

– Думаю, где-то около трехсот тысяч, – хмурясь, ответил Брайант⁹.

– Я ожидала чего-то большего, – честно призналась Стоун, чьи предположения были основаны только на модели машины, на которой ездила жертва.

– Я подумал то же самое, – согласился сержант, дотронувшись до крышки серванта. – Милое местечко, но... – Он замолчал, открыв верхний ящик серванта, и посмотрел на инспектора. – Пусто.

Ким пожала плечами и продолжила осмотр комнаты. Телевизор был плоским, но по размерам ненамного превосходил экран компьютера. В противоположном углу на тумбе с двумя выдвижными ящиками стояла старомодная музыкальная система с отделением для загрузки кассет. Никаких динамиков детектив не заметила и решила, что система стоит просто для интерьера.

– Здесь тоже пусто, – заметила она, открыв ящики в тумбе.

Они перешли на кухню. Обычно кухня – это сердце дома. Но здесь у сердца, похоже, случился приступ. Помещение было абсолютно функциональным, со множеством ящиков, острых углов и твердых поверхностей. Ничто не говорило о попытках как-то смягчить впечатление от декора или вдохнуть в него хоть какую-то жизнь. Нигде не было видно ни разделочных досок, ни половичков или ковриков, ни жестянок с чаем, ни хлебницы, ни чайника. Ничего из того, что люди обычно имеют, но чем практически никогда не пользуются.

И опять Брайант принялся открывать ящики и дверцы шкафов.

– Всякая ерунда, но ненамного больше того, что мы нашли в гостиной. Не уверен, что мы сможем обнаружить какие-то улики, связанные с ее смертью, если здесь нет никаких следов ее жизнедеятельности.

Ким повернулась к своему напарнику.

– Черт побери, Брайант, ты что, опять взялся за свое чтение?

– В принципе, Карл Юнг¹⁰ говорит...

Его слова были прерваны звуками кашля, раздавшимися где-то сзади.

Стоун повернулась – и чуть не задохнулась.

– Боже, – прошептал Брайант, и оба они уставились на человека, стоявшего перед ними.

У Ким было такое впечатление, что перед ней возник призрак.

⁹ Любимым занятием Ким и Брайанта является оценка той недвижимости, которую им приходится посещать в ходе расследования преступлений.

¹⁰ *Карл Густав Юнг* (1875–1961) – швейцарский психиатр и педагог, основоположник аналитической психологии. С 1907 по 1912 г. был близким соратником Зигмунда Фрейда.

Глава 5

– Мэм, прошу прощения... Она просто...

Ким отмахнулась от извинений констебля. Судя по выражению лица женщины, для того чтобы остановить ее, потребовалась бы дежурная рота батальона по борьбе с общественными беспорядками.

Несколько секунд инспектор просто рассматривала то, что увидела перед собой. Начиная с юбки с цветочным принтом и белой блузки и кончая жемчужными сережками и ниткой соответствующих бус. Лицо выглядело немного более возрастным, но сходство с Белиндой Эванс было беспрецедентным.

– Позвольте спросить вас, что вы делаете в доме моей сестры? – спросила женщина сухим и напряженным голосом, в котором начисто отсутствовала гнусавость, характерная для жителя Черной страны¹¹.

– Миссис?... – сделала шаг вперед Ким.

– *Мисс Эванс*, как и моя сестра. А зовут меня Вероника, – заявила женщина, и тут зазвонил телефон Ким.

– Можете не отвечать. Лучше объясните мне, что вы делаете в доме моей сестры, – произнесла женщина со сталью в голосе и во взгляде.

– Ага, только я, скорее всего, этого не сделаю, – ответила Ким, отворачиваясь от своей собеседницы. Даже Вуди не позволяет себе разговаривать с ней в такой манере... Правда, Ким пришлось вспомнить, что через несколько мгновений эта женщина узнает о смерти одного из членов семьи.

– Стейс? – произнесла она в трубку.

– Ближайшая родственница, босс, – сестра шестидесяти пяти лет по имени Вероника Эванс. Проживает по адресу...

– Спасибо, Стейс. Я перезвоню. – Инспектор закончила разговор, жалея, что констебль не позвонила на пару минут раньше. – Мисс Эванс, мне кажется, вам лучше присесть, – начала она, указывая на гостиную.

Женщина никак не прореагировала на ее совет.

– Она что, умерла?

– Мисс Эванс, – вступил в разговор Брайант, готовясь взять на себя самую деликатную часть их служебных обязанностей. – Если вы пройдете сюда...

– Как я понимаю, это означает «да»? – Женщина переводила взгляд с Ким на ее коллегу и обратно.

Ладно, судя по всему, Брайант может на какое-то время забыть про телячьи нежности.

– Да, мисс Эванс, боюсь, что...

– Прошу вас, называйте меня Вероникой, иначе мы совсем запутаемся. Как это произошло? Скорее всего, в этой ее гоночной машине... Странно, как она вообще умудрялась ее водить. Я уже много раз говорила, что ей пора привыкать вести себя согласно ее возрасту, но...

– Мисс... Вероника, – Брайант сделал шаг вперед, – мне кажется, что вам все-таки лучше будет пройти в гостиную и...

– Офицер, – женщина бросила на сержанта пронзительный взгляд, – вы что, думаете, что, если я сяду, это оживит мою сестру?

– Конечно, нет, – ответила Ким за своего коллегу, которого слегка ошарашили манеры женщины.

¹¹ *Черная страна* – территория в Западном Мидленде, к северу и западу от Бирмингема; во времена индустриальной революции считалась наиболее развитой в индустриальном плане частью Англии.

Инспектору уже приходилось встречаться с подобным поведением раньше. Иногда родственники стойчески переносили трагедию в течение дней, недель и месяцев, а потом вдруг ломались от какой-то тривиальной мелочи или от какого-то воспоминания. Какова бы ни была причина сейчас, Ким собиралась использовать ее по максимуму.

– Нет, Вероника, ваша сестра не оживет, но ситуация гораздо серьезнее, чем вы можете себе представить, и ее лучше обсудить сидя...

– Серьезнее? Как это?

Ким решила взять все в свои руки и прошла мимо женщины в гостиную. Здесь она остановилась возле софы, оставив, таким образом, единственное отдельное место для женщины.

После всех своих тщетных усилий, направленных на то, чтобы Вероника села, Брайант остался стоять возле двери.

– Вероника, мне очень жаль, но ваша сестра была убита...

Ким ждала, что на лице ее собеседницы появится хоть какая-то эмоция. Ей подошла бы любая, но то, что она увидела, было совершенно неожиданно.

На лице Вероники появилась досада.

Ким не могла решить, то ли Вероника досадовала на то, что ее сестра умерла, то ли ее раздосадовало то, что умерла сестра не так, как ей этого хотелось.

– Нет. Прошу прощения, но вы, скорее всего, заблуждаетесь. Тут или ошибка в идентификации, или в том, как она умерла, но Белинду никак не могли...

– Никакой ошибки нет, – ответила ей детектив. – Вашу сестру убили в парке Хайден-Хилл единственным ножевым ударом в сердце.

Вероника поднесла руку к горлу с таким видом, как будто ей только что сказали, что вместе с супом она проглотила муху.

Почти полное отсутствие эмоций заставило Ким задуматься о том, насколько близки были сестры. Скорее всего, судя по тому, во сколько Вероника зашла к сестре поутру, она жила где-то неподалеку. Обе одевались совершенно одинаково, носили одинаковые украшения, и все еще были старыми девами.

– Вероника, мне очень жаль. Для вас это, наверное, жуткий шок, но, может быть, у вас есть хоть какая-то идея по поводу того, что могла делать ваша сестра в парке вчера вечером?

– Не имею ни малейшего представления.

– Может быть, это было ее любимым местом? – не отступала Ким. – Может быть, это как-то связано с вашим детством?

С возрастом люди чаще возвращаются в детство, особенно в те места, с которыми их связывают приятные воспоминания.

– Белинду нашли сидящей на качелях, – добавила детектив, не распространяясь на предмет того, что на месте несчастную удерживала колючая проволока.

– Ее убили вчера вечером, когда она сидела на качелях? – переспросила Вероника. – Это что, такая идиотская шутка, да?

– Боюсь, что нет. Ваши родители никогда не водили вас в Хайден-Хилл-парк? – повторила детектив вопрос, на который так и не получила ответ.

– Нет. Наши родители не любили парки, а Белинду совсем не интересовали качели, – с раздражением ответила сестра, как будто Ким окончательно сошла с ума.

– А вообще она много времени проводила в этом парке?

– Мне об этом ничего не известно.

– Там есть крикетный клуб. Может быть, она иногда заходила туда пропустить стаканчик в приятной компании?

– Белинда не пила. Вообще ни капли, – подчеркнула Вероника. – И мне ничего не приходит в голову, кроме того, что ее могли увезти туда силой.

– Машина Белинды была припаркована в безопасном месте, и в ней не обнаружено никаких следов борьбы.

– Прошу прощения, но это место не вызывает у меня никаких ассоциаций, – попыталась закончить разговор Вероника.

– Муж или?..

– Она никогда не была замужем. Я, кстати, тоже. Хотя у нее был друг еще со студенческих времен, с которым она иногда проводила время...

Ким услышала, как у нее за спиной Брайант открыл свою записную книжку.

– Его имя?

– Чарльз. Чарльз Блант. Он работает в колледже Хейлсовена на кафедре спортивной медицины и физической культуры. Там же работала и моя сестра, пока не ушла на пенсию семь месяцев назад.

– И в каком качестве она там работала?

– Она была профессором детской психологии.

Ким подумала, не удастся ли им узнать у коллег убитой женщины больше, чем им сейчас рассказывала ее сестра.

– А у Белинды был мобильный?

– Конечно, был.

– Мы не нашли его ни в ее машине, ни в ее сумочке, – сообщил Брайант.

– Может быть, его украли? – Вероника пожала плечами. – Это была такая довольно громоздкая модель со множеством значков всяких приложений на экране. Ей нравился большой экран – в этом случае, чтобы позвонить, не были нужны очки. Боюсь, что иногда она бывала слишком тщеславна.

– Вы не скажете нам ее номер? – попросила Ким. – Мы свяжемся с ее провайдером...

– Вам нужен «Водафон»¹², – сказала Вероника, доставая из сумочки старую «Нокию». – Белинда перешла к ним после того, как я рассказала ей, что мне предложили там лучшие условия.

В голосе Вероники Ким послышались триумфальные нотки, когда она диктовала номер Брайанту.

– Ну что ж, мисс Эванс, спасибо за помощь. А можно один вопрос относительно того, что не дает нам покоя?

– Конечно, – ответила женщина, разглаживая юбку на коленях.

– В доме не так много следов пребывания здесь вашей сестры, – сказала инспектор, оглядываясь. – Просто множество пустых ящиков и коробок.

– Простите меня, офицер. Я думала, что вы уже знаете... Моя сестра владеет и второй половиной дома. Так что, если вы хотите побольше узнать о ней, то вам прямая дорога туда.

¹² «Водафон груп» – британская компания, один из крупнейших в мире операторов сотовой связи.

Глава 6

Пенн добрался до здания Королевского суда в Бирмингеме без трех минут девять. Он добежал бы от станции и быстрее, если бы босс разрешила ему остаться в кроссовках.

– Черт бы тебя побрал, Пенн, – Линн улыбнулась ему. – Ты чуть не опоздал.

– Проклятые поезда, – ответил Пенн, не уверенный, как вести себя дальше.

Обниматься вроде бы неприлично, а вот дотронуться было бы здорово. И он протянул руку.

Линн как-то странно посмотрела на него, но руку все-таки пожала.

– Привет, приятель, – поздоровался Дуг, отбросив сигарету и протягивая руку.

Пенн пожал ее и быстро осмотрел их обоих.

За те четыре месяца, что он уже не работал в Западной Мерсии, Линн похудела на несколько фунтов, а Дуг, напротив, набрал их. Пенн готов был поклясться, что сержант что-то сделала со своими светло-каштановыми волосами – возможно, отрастила их на пару дюймов. Ее обычную грубую обувь с подошвой толщиной в дюйм сменили дорогие на вид туфли на высоком каблуке, на которые спадали брюки ее синего костюма. Пенн был уверен, что Линн еще и накрасилась. Ее одежда для суда выглядела дорогой, и потратила она на нее гораздо больше времени и денег, чем он на свою.

Детектив-констебль Дуг Джонсон был одет точно так же, как и в любой другой день. На нем был плотный даже по виду черный костюм и голубая рубашка. Все всегда подкалывали его на предмет того, что его гардероб состоит только из черных костюмов и голубых рубашек. В ответ Дуг объяснял, что в этом случае никто никогда не определит, что он носит несвежую одежду.

– Рад видеть вас обоих, – сказал Пенн, и они стали подниматься по лестнице.

Пенн не кривил душой. С этими офицерами он проработал больше четырех лет и, направляясь в суд, заранее представлял себе, как они встретятся. И вот теперь, идя за ними в здание суда, Пенн ощутил, как его охватило давно не испытываемое чувство настоящей близости.

На него большое впечатление произвела холодная функциональность здания, построенного специально для судебных органов Елизаветы II, в котором располагался и суд Короны города Бирмингема. Но Пенну хотелось оказаться совсем в другом месте. Когда в 1987 году открылось это новое здание, то все резонансные дела из здания суда королевы Виктории на Корпорэйшн-стрит были переведены в него. Старое здание суда, в котором теперь располагался суд магистрата, было первоклассным строением из красного кирпича и терракоты, история которого уходила в глубину веков, в то самое время, когда сама королева Виктория заложила его первый камень в 1887 году.

«Вот то здание было настоящим зданием суда, – подумал сержант, – с его большим залом и светильниками, сделанными в форме коронационной короны королевы Виктории. Все в нем говорило о благоговении и уважении».

Новое же здание состояло из набора квадратных и очень функциональных помещений-коробок. И в них вместо стенографисток, использовались магнитофоны для записи показаний, а шкафы с делами заменили ноутбуки.

Проходя обычные процедуры, связанные с требованиями безопасности, Пенн вспомнил, для чего он здесь оказался. Для того чтобы увидеть, как Григорий Нориев получит свой заслуженный приговор.

Григорий Нориев жестоко убил владельца бензоколонки, нанеся ему множество ножевых ран только за то, что тот отказался отдать ему ночную вырубку.

И Пенн был вынужден признать, что тогда ошибся в своей первой оценке происшедшего.

Изначально он посчитал, что в преступлении виноваты члены местной группировки, возглавляемой двумя братьями Ридами – Аланом и Алексом. Братья перебрались сюда в середине восьмидесятых, после нескольких неприятных контактов с лондонской Мет¹³, и постепенно захватили контроль над организованной преступностью самого Уорчестера и прилегающих территорий.

Основным их бизнесом были жестокие вооруженные ограбления небольших коммерческих организаций, в которых или вообще не было камер наружного наблюдения, или количество их было минимальным. А проституция, наркотики, рэкет и передвижные ларьки-закусочные рассматривались ими как бизнес побочный.

Но с течением времени братьям стало все труднее и труднее находить свои жертвы, потому что все небольшие коммерческие организации поняли наконец прелесть охранных систем, хотя оставалось и большое количество придурков, которые считали, что им хватит и муляжа камеры наружного наблюдения, или отказывались вовремя чинить сломавшееся оборудование.

Два года назад полицейское управление Западной Мерсии выступило с инициативой направлять своих представителей в наиболее уязвимые с точки зрения безопасности места, с тем, чтобы те информировали владельцев о тех мерах безопасности, которые можно было применять при относительно низкой их стоимости. Иногда к таким рекомендациям прислушивались, иногда – нет. Мистер Капур-старший с удовольствием слушал, но из-за финансовых трудностей так и не воспользовался такой возможностью. В результате он потерял своего двадцатитрехлетнего сына...

Пенн вздрогнул, вспомнив, что он увидел, прибыв на место преступления.

Конечно, за расследование отвечал детектив-инспектор Тревис, но, как первый полицейский, появившийся на месте преступления, Пенн считал это дело своим. И, вероятно, именно поэтому молодой Девлин Капур много дней являлся ему в его сновидениях.

Сержант надеялся, что суд положит конец этим его ночным кошмарам. Ведь именно они не давали ему спать по ночам, и он ожидал, что завершение суда освободит его мозг, который поймет наконец, что все закончилось, точно так же как похороны позволяют окончательно смириться с потерей родственника. Это дело напоминало надпись на могильном камне, давно стертую временем, но с оставшимися следами букв.

Вместе со своими коллегами Пенн прошел в один из шестнадцати залов для судебных заседаний – и почувствовал, как его охватывает какая-то тревога.

Которую он ни за что не смог бы объяснить.

¹³ *Мет*, иначе полиция Метрополии, основана в 1829 г. Отвечает за правопорядок на территории Большого Лондона, кроме района Сити. Кроме того, отвечает за организацию и координацию антитеррористической деятельности в Соединенном Королевстве, охрану королевской семьи и членов правительства.

Глава 7

Ким ждала, пока Вероника достанет из сумочки запасной ключ и откроет дверь в побитую временем вторую половину дома.

Когда она спросила, для чего Белинде была нужна эта вторая половина дуплекса, ее сестра совсем по-детски таинственно улыбнулась и произнесла только:

– Сами увидите.

Она распахнула дверь, но не стала входить внутрь и произнесла, ожидая их реакции:

– Добро пожаловать в настоящий дом моей сестрицы.

Когда Ким заглянула внутрь, ее глаза невольно расширились. То, что когда-то было просторным холлом, точь-в-точь похожим на холл в соседней половине, теперь превратилось в узкий проход, по обеим сторонам которого высились стопы книг и старых газет. Пол прохода был приподнят на несколько дюймов из-за макулатуры, лежавшей под ногами.

– Она что, входила и выходила здесь? – Ким повернулась к Веронике.

Кивнув, та прошла в дом. Стоун последовала за ней, ступая след в след и стараясь балансировать руками. Всего несколько шагов, и Ким задыхнулась от запаха, напомнившего ей запах Барни, пробежавшего по грязной луже.

– Домашние животные? – поинтересовалась инспектор.

– Ни одного, – ответила Вероника, не поворачивая головы.

Ким боялась подумать, что могло так вонять и что можно было бы обнаружить под горами мусора.

Продвигаясь вперед, детектив заметила, что комнаты ничем не отличались друг от друга. В них вели проходы, от пола до потолка заваленные мусором – пустыми коробками, велосипедными запчастями, обрывками гобеленов. Посреди гостиной стояло одинокое кресло с откидной спинкой. Горы мусора закрывали стены настолько плотно, что Ким не могла проверить, были ли они того же цвета магнолии, как и стены во второй половине, за стеной.

Ким не могла себе представить, чтобы женщина, которую они видели вчера – такая аккуратная, такая ухоженная, – могла жить в подобном хлеву.

– Ничего не понимаю, – сказала детектив, входя на кухню. Здесь мусор покрывал все рабочие поверхности. Возле сливного отверстия раковины можно было с трудом рассмотреть электрический чайник. У нее за спиной дважды чихнул Брайант, и Ким почувствовала, как грязевая взвесь оседает у нее на губах точно так же, как она оседала на паутине, затянувшей все углы на потолке вместе с осветительными приборами.

– Все началось тридцать четыре года назад, когда умерли наши родители, – пояснила Вероника. – Именно они жили в этом бунгало. Сестра переехала сюда и отказывалась выбросить хоть что-то из того, что принадлежало им, а позже стала целенаправленно собирать вещи, которые, на ее взгляд, имели какую-то ценность. И каждый раз, когда я приходила сюда, оказывалось, что еще какая-то часть дома стала непригодной для проживания, еще один угол наполнился мусором. При этом она настаивает на том, что все это ей просто необходимо.

«Она все еще говорит так, как будто ее сестра жива», – отметила про себя Ким.

– А как же вторая половина? – спросил Брайант.

– Ее выставили на продажу как раз в тот момент, когда я пригрозила сестре, что упеку ее в дурдом, если она будет продолжать в том же духе. Купила она ее за сущие гроши и пообещала мне, что будет жить в ней, пока не разберется со всем этим бараклом. Потом собиралась продать ее и поделить деньги между нами.

– И?..

– Мне кажется, что каждый вечер она пробиралась сюда и спала здесь, – призналась Вероника.

– Но как она умудрялась до совсем недавнего времени работать на такой ответственной работе? – не унимался Брайант.

– А почему бы и нет? – огрызнулась женщина. – Она не была ни дурой, ни сумасшедшей. Просто старалась найти для себя несуществующий якорь в жизни. А функционировала она абсолютно нормально, так что ваше замечание кажется мне немного обидным.

«Боже, – подумала Ким, – Брайант умудрился выбесить кого-то больше, чем я. Может быть, он в конце концов и заслужит этот цветок в горшке...»

Как бы необычно это ни выглядело, но наступила ее очередь надеть каску миротворческих сил ООН.

– Думаю, что нас просто поразила разница между тем, как она выглядела, и чистотой в машине, и тем...

– Она умела соблюдать приличия, офицер. Как и я.

Ким и раньше почувствовала некую странность в отношениях двух сестер, но сейчас ей захотелось узнать об этом побольше.

– Вы старше Белинды? – спросила она.

– Конечно, старше, офицер. Я даже подозреваю, что если бы Белинда родилась первой, то мои родители на ней и закончили бы.

Ким ждала, что Вероника пояснит ей свое столь эксцентричное заявление, но та лишь твердо смотрела ей в глаза, ожидая дальнейших вопросов.

– То есть вы за ней присматривали?

– С чего вы это взяли? – Она приподняла одну бровь.

– Ну, вы же живете рядом. И у вас одинаковые вкусы во всем, что касается одежды и украшений. Вы время от времени проверяли, как она живет. Очевидно, ухаживали...

– Офицер, мне очень жаль огорчать вас, но мы с сестрой не выносили даже вида друг друга.

Глава 8

– А ты знаешь, что Китс здорово разозлится? – задал вопрос сержант, когда они подъезжали к больнице Рассел-Холл.

– Ну да, потому что это все меняет, – сухо согласилась с ним Ким. – Правда, я не понимаю, чего ты так беспокоишься. Ведь на тебе, его любимом сыщике, это никак не скажется.

– Ничего не поделаешь, я нравлюсь людям, – самодовольно заметил сержант.

– Всем, за исключением Вероники Эванс. Ты совсем не в ее вкусе, и слава Всевышнему, что я оказалась рядом, чтобы исправить небольшой промах, который ты совершил, заговорив о работе Белинды.

– Но ведь ты же подумала то же самое!

– Это все ваши догадки, дорогой Ватсон. Но если ты и дальше собираешься бесить людей, то считай, что мы с тобой по горло в дерьме и без лопаты. Вуди может даже прийти в голову разделить нас.

– Неужели это наконец произойдет?

– Итак, что ты думаешь о сестричках? – задала вопрос Ким в надежде на то, что Брайант скажет что-то, что растопит ледяной комок у нее в животе.

– Если по-честному, то все это выглядит очень странно.

«Или нет», – подумала Стоун.

– Сходство между ними какое-то жутковато-причудливое. И то, что смерть сестры не вызвала у нее никаких эмоций... Даже не спросила нас, как это произошло. И не умоляла, чтобы мы обязательно нашли злодея, – продолжил сержант.

– И то, что она призналась, что они не переваривают друг друга, хотя она и живет рядом и, судя по всему, часто навещает сестричку... – добавила Ким.

– Ну да, а также тот факт, что ни одна из них не замужем, не говоря уже об этой страсти к накопительству всякого барахла...

Полицейские посмотрели друг на друга.

– Чертовски странно, – произнесли они в унисон, когда Брайант припарковал машину.

– А еще парочка воспоминаний о детстве, о которых она предпочла не распространяться, – заметила Ким поверх крыши машины.

Шагая в ногу, они направились к главному входу в больницу.

– А потом эта фраза об умении «соблюдать приличия», – вспомнил Брайант.

– И комментарий насчет того, что их родители остановились бы, если бы Белинда родилась первой... Как по-твоему, могла Белинда быть проблемным ребенком?

Проходя по коридору в сторону морга, Брайант пожал плечами.

– Не знаю, конечно, но я уверен в одном – эта информация никак не поможет нам выяснить причину, по которой прошлой ночью Белинду Эванс привязали к качелям в парке Хайден-Хилл.

– Может быть, ты и прав, Брайант, но мне все-таки хотелось бы это выяснить... Привет, Китс, – поздоровалась Стоун, перешагнув порог морга.

– Вы опоздали, – заметил патологоанатом, глядя на нее поверх очков.

– Да, Брайант захотел остановиться и съесть полный английский завтрак¹⁴, хотя и знал, что вы будете сердиться. Ну, и что вы теперь о нем думаете?

¹⁴ Полный английский завтрак включает в себя бекон, жареные, вареные яйца или омлет, жареные или приготовленные на гриле помидоры, жареные грибы, жареный хлеб или тосты с маслом и различные колбасы (также называемые «бангерами»). Также часто сюда включают черный пудинг и запеченные бобы, реже хашбраун. Еда традиционно подается с кружкой чая; в последнее время в качестве альтернативы чаю предлагают кофе.

– Все-таки он лучше, чем вы. Ведь теперь к списку ваших недостатков добавилась ложь. Ким пожала плечами. Такое впечатление, что эту духовную связь не так-то легко будет разрушить.

– Можно? – спросила она, подходя ближе к столу.

Китс кивнул, продолжая что-то записывать в своем планшете.

Ким осторожно отвернула простыню и увидела перед собой лицо Белинды. Она не стала обращать внимания на цвет лица трупа, который всегда ассоциировался у нее с сырой свиной, а сосредоточилась на его чертах.

Сейчас, когда Белинда лежала на столе на спине лицом вверх, а волосы были откинута назад, ее сходство с сестрой представлялось не столь поразительным.

Черты ее лица были нежными и мягкими. Белинда была на несколько фунтов тяжелее своей старшей сестры, и эти лишние фунты смягчали контуры ее щек и остроту носа. В принципе сестры казались такими похожими из-за прически, одежды и украшений, и сходство этих вещей не давало Ким покоя.

– Сестра Белинды подъедет позже и официально опознает тело, – сказала детектив, закрывая лицо убитой.

– Я еще не совсем закончил, – заметил Китс, проверяя что-то в своих записях, прежде чем наклониться над столешницей из нержавеющей стали. – И тем не менее я готов поделиться с вами тем, что мне уже удалось выяснить. Эта леди была абсолютно здорова и вполне могла сойти за даму лет на десять моложе себя. Она никогда не курила, практически не употребляла алкоголь, поэтому все ее жизненно важные органы не повреждены и функционировали как часы. Локтевые суставы и колени говорят о начинающемся артрите, но это еще не та стадия, когда она не была бы способна двигаться или двигалась бы медленнее, чем обычно. Хотя лет через десять ей могла бы понадобиться операция.

Ким бросила на него взгляд, говоривший «спасибо, достаточно», но эксперт предпочел его не заметить.

– Никаких следов переломов или других повреждений, что само по себе удивительно...

– Почему удивительно? – спросила Ким. Она была готова выслушать любые, даже самые невероятные вещи, если они смогли бы объяснить, почему эта женщина с академическим образованием получила нож в сердце.

– Странно потому, что мне редко приходится встречать клиентов, особенно в этом возрасте, у которых не было бы хотя бы одного перелома или других серьезных повреждений. Сам я сломал руку еще в детстве, когда неправильно держал в руках крикетную битку.

– А я сломал большой палец на ноге, неудачно ударив по мячу, когда мне было шесть лет, – подал голос Брайант.

– Вот именно, – с готовностью подхватил Китс. – Большой палец на руке я сломал, упав с дерева.

– А челюсть мне сломали на регбийном поле, – похвастался сержант.

– Перелом бедра после падения с крыши двухэтажного здания, когда я пыталась задержать убийцу, – внесла свою лепту инспектор.

Оба мужчины повернулись к ней.

– Что ж, вполне к месту, – согласился с ней Брайант.

– Именно об этом я и хотел сказать, инспектор. У всех нас троих есть какие-то переломы.

– А может быть, она никогда в жизни не играла в крикет, футбол или регби и не преследовала по крышам убийц? – предположила детектив.

– А я и не говорю, что это какая-то неопровержимая улика – просто удивительно... Итак, – продолжил Китс, – здоровье жертвы в отличном состоянии, и причиной смерти явился удар ножом в область грудной клетки. Лезвие попало в самое сердце. Орудие убийства –

хорошо заточенный нож с лезвием в семь-девять дюймов¹⁵. Удар был нанесен уверенно и решительно, без всяких колебаний и очень точно. Смерть наступила практически мгновенно.

Значит, целью убийцы не было причинение как можно больших страданий.

– А что по поводу колючей проволоки? – спросила Ким.

– Она была обмотана вокруг кистей всего за несколько мгновений до смерти. Это судя по крови из ран на кистях, – объяснил эксперт.

– Ну что ж, Китс, как и всегда, вы были...

– Ваше нетерпение сравнимо только с вашей грубостью, инспектор, – заметил патологоанатом, поворачиваясь к подносу. – Пора бы вам уже знать, что я люблю оставлять напоследок что-нибудь повкусней. Этаким завершающий аккорд, если хотите.

– То есть что-то, что может нам помочь?

– Брайант, ты не подойдешь с другой стороны? – Китс не обратил никакого внимания на слова детектива.

Напарник Ким сделал, как его попросили, и теперь мужчины стояли друг напротив друга, а между ними лежало тело Белинды. Китс опустил простыню до уровня груди и придержал ее правой рукой, чтобы она не съехала дальше.

– Аккуратно потяни ее на себя, – велел он сержанту.

Брайант выполнил его просьбу, и Стоун увидела, как Белинда повернулась на бок.

– А теперь приподними ее волосы на затылке, – распорядился судмедэксперт.

Ким чуть не задохнулась.

На коже убитой была вырезана буква «X».

¹⁵ Где-то между 18 и 23 см.

Глава 9

Пока защита и обвинение готовились к процессу, Пенн изучал зал.

Он внимательно рассмотрел светлое дерево и кремовую краску, превращавшие помещение из зала судебных заседаний в современную переговорную. Потом его взгляд остановился на мистере Капуре, который сидел, словно кол проглотил, на галерее для публики среди ерзающих и перешептывающихся зевак, которые даже не представляли, что он – единственный из них, чья жизнь изменилась раз и навсегда.

Мужчина смотрел невидящими глазами прямо перед собой, и Пенну было интересно, о чем он сейчас думает: о первых словах Девлина, о его первых шагах или о его первом школьном дне? А может быть, он вспоминает о его спортивных успехах или о празднике в честь его восемнадцатилетия? Сержант надеялся, что он думает о чем-то хорошем, а не о том, как его сын лежал на полу их бензоколонки, весь покрытый кровью.

Миссис Капур не смогла заставить себя прийти на суд, так же как не смогла войти на бензоколонку после смерти сына. По правде говоря, мистер Капур решил было закрыть семейное дело, но, имея на руках двух дочерей-подростков, которых надо было кормить и одевать, он был ограничен в своем выборе. В дело вступил его старший брат, и вдвоем они поддерживали заведение на плаву.

Пенн никак не мог забыть свою первую встречу с мистером Капуром. Мужчина принял известие о смерти сына абсолютно молча. И не потому, что он не чувствовал боль потери. Пенн заметил, как внезапно опустел его взгляд. Слушая истерику миссис Капур, которую переполняло горе, он заметил также решимость в глазах мистера Капура, заставлявшую последнего держать себя в руках.

Тогда он обнял свою дрожащую от горя жену и превратился в утес, к которому она могла прильнуть.

В течение всего расследования мужчина спокойно и с достоинством интересовался, как идут поиски убийцы его сына. Он не кричал, не истерил и никого не обвинял – именно поэтому Пенну так хотелось найти этого сукиного сына.

– Кажется, он весь в себе, правда? – прошептала Линн, сидевшая рядом.

Пенн согласно кивнул и продолжил рассматривать публику. Дуг, сидевший с другой стороны от Линн, смотрел прямо перед собой.

Взгляд Пенна остановился еще на одной фигуре, воплощении одиночества в толпе, которая тоже смотрела прямо перед собой. Ирина Нориева, жена Григория.

И сейчас сержант вновь попытался прочесть выражение на ее лице, как пытался уже дважды. Первый раз, когда она подтверждала алиби своего мужа, а второй раз – когда призналась, что солгала в первый.

И это ее признание позволило довести расследование до конца.

Теперь Пенн смотрел на нее не отрываясь, пытаясь понять, что же конкретно изменилось в ней с их последней встречи.

Во время его второго визита ее невымытые волосы висели патлами, накрывая плечи наподобие полотенца. Лицо было бледным и измученным. И все это было понятно, если принять во внимание, что она признавалась в том, что ее муж – убийца.

А сейчас ему в голову пришло определение, которое он редко употреблял. Она выглядела «воспрянувшей». Модная стрижка, гладкая и здоровая кожа.

Как будто почувствовав его взгляд, Ирина повернулась и холодно оглядела его. Ее взгляд задержался на нем всего на мгновение; в нем не появилось ни узнавания, ни других эмоций – она продолжила изучать публику.

Пенн не смог бы объяснить, почему он вдруг задрожал, когда секретарь суда объявил о начале судебного заседания и попросил всех встать.

Глава 10

– Так что ты думаешь по поводу «Х» на затылке Белинды и почему это мы опять возвращаемся в Уомбурн? – спросил Брайант.

– Я все еще думаю насчет этого «Х», а назад мы едем потому, что я хочу еще раз осмотреть эти дома в отсутствие властолюбивой сестры. Да и Митч сейчас направляется туда же.

– Думаю, что он не поблагодарит тебя за то, что ты посылаешь его на эту помойку, – заметил Брайант. – Ты читала меморандум о том парне, что вел расследование в Йорке?

Ким отрицательно покачала головой.

– Один из криминалистов умер, провалившись в подпол одного из складов, когда обследовал место покушения на убийство. Остались жена и двое детей.

– А какое это отношение имеет к Митчу? – поинтересовалась Ким.

– Босса этого парня обвиняют в том, что он неправильно оценил риски при обследовании территории. Ты же знаешь, как это бывает. Теперь Митч будет вести себя сверхосторожно, и осмотр займет массу времени. Правильно говорят: «Не зная броду, не суйся в воду». Хотя по своему опыту могу сказать, что тонут как раз те, кто брод отлично знает. Так что нам всем придется помучиться, и все потому, что парочка городских полицейских наступила в дерьмо...

– Брайант, мне кажется, что цифры говорят не совсем...

– Я просто хочу сказать, что сегодня Митч будет сверхосторожным.

– Плохо, – ответила детектив, не уверенная, что у них есть выбор. Убили женщину, и они должны искать улики.

Ким все еще не могла забыть вид жертвы, прикрученной к качелям колючей проволокой. Ее мучило несоответствие невинного детского аттракциона острым колючкам, вгрызающимся в тело жертвы.

Буква на затылке была вырезана уже после смерти жертвы – по крайней мере, так считал Китс. Так что ни боли, ни страданий это убитой не причинило. По опыту Ким, подобные символы предназначались не для жертвы. Убийца использовал их или для того, чтобы избавиться от какой-то навязчивой идеи, или в качестве послания всем окружающим. Для того чтобы о чем-то заявить. И такие знаки были очень личными.

– Ничего себе, – сказал сержант, сворачивая на тихую улочку.

Митч, в комбинезоне и бахилах, стоял прислонившись к капоту своего фургона.

– Ты что, шутишь? – спросил он, когда Ким выбралась из машины.

Было ясно, что коллега уже успел заглянуть в прихожую, но дальше не продвинулся.

– Надо, Митч, надо, – ответила инспектор, проходя по садовой дорожке. – Хотя я бы тоже хотела, чтобы она перед смертью прибралась в доме...

– Послушай, – прервал ее криминалист, – это не просто неприбранный дом. Это помойка в худшем понимании этого слова. Моим ребятам просто опасно входить в него. Мне необходимо оценить риски...

– Черт побери, Митч! Я видела, как ты работал и на высоте, и под землей, и в разных замкнутых пространствах. Ты входил в помещения, которые воняли, как размороженный холодильник в морге у Китса. Так что ноги в руки и проделай проход для своих ребят среди всей этой ерунды.

– Ерунды?

– Вот именно. Рада, что ты наконец со мной согласился.

Криминалист покачал головой и тяжело вздохнул.

– И что бы ты хотела, чтобы мы здесь нашли? Особенно принимая во внимание, что это место находится в нескольких милях от места преступления?

– Начните с пола, – подал голос Брайант.

– Митч, я вовсе не собираюсь учить тебя, как надо работать, но этой женщине было чуть за шестьдесят, и какой-то урод жестоко убил ее в детском парке. Нам надо найти этого сукина сына, вот и все.

Митч приподнял бровь.

– А еще ты знаешь, что я никогда не попрошу тебя сделать что-то, чего не смогу сделать сама.

Криминалист застонал, закатил глаза и позвал своих сотрудников.

– Будешь мне должна.

– Обязательно, Митч, – ответила детектив, наблюдая, как его люди выстраиваются вслед за ним.

– Мы тоже идем, командир? – поинтересовался Брайант.

– Ни за что на свете, – Ким развернулась и пошла назад. – Нас ждут гораздо более интересные места.

Глава 11

Сегодня Стейси была рада остаться в офисе в одиночестве, хотя шум в голове, не дававший ей покоя, никуда не делся.

С одной стороны, она была рада, что у них появилось новое крупное дело – да простит ее Бог за такие мысли. Рутинная, которой она занималась последние несколько недель, оставляла ей слишком много времени для размышлений. Для сомнений и для всяких критических мыслишек. Ей был задан вопрос, и Стейси не знала, как на него ответить. Готова ли она полностью изменить свою жизнь, расстаться с безопасностью хорошо знакомых отношений, выйти из зоны комфорта? Честно говоря, она этого не знала.

Констебль постаралась отодвинуть эти мысли в сторону и сосредоточиться на телефоне Белинды Эванс. При этом она предпочла не обращать внимания на сигнал своего собственного телефона, известивший ее о том, что поступило новое сообщение. Она просто еще не успела достать аппарат из рюкзака. Ей не хотелось, чтобы он все время лежал перед ней на столе и напоминал о том, что от нее ждут ответа. Ей было легче забыть о нем, если он не мелькал у нее перед глазами. А как раз сейчас забыть было необходимо.

То, что у нее был номер Белинды и название ее провайдера, значительно облегчило ей жизнь. Сьюзи из «Водафона» уже подтвердила, что последний звонок был сделан накануне в одиннадцать часов вечера. Стейси полагала, что телефон уничтожили, а это само по себе говорило бы о том, что это важная улика, каким-то образом связанная с убийцей. Иначе его никто не стал бы забирать.

Подружка Сьюзи из «Водафона» все еще трудилась над биллингом, снимая информацию с ячеек, а Стейси между тем решила заняться звонками.

Она разложила перед собой четыре листа бумаги – распечатку файла, пересланного Сьюзи по электронной почте; список всех номеров, на которые или с которых звонили за последние двадцать восемь дней.

Просматривая эти данные, Стейси вновь услышала сигнал своего телефона.

И покачала головой своему рюкзаку, как будто он мог понять ее.

А потом вернулась к своим спискам.

Глава 12

– Командир, может быть, объяснишь, что ты надеешься здесь отыскать? – спросил Брайант, когда они вошли на вторую половину дома, принадлежавшего Белинде Эванс. – Мы же знаем, что большую часть своего времени она проводила на соседней половине, так что все улики должны быть там.

– Но разве даже после смерти Белинда Эванс показалась тебе грязной и неухоженной? – Инспектор повернулась к нему.

Сержант покачал головой.

– А тебе могла прийти в голову та помойка, которую она развела в соседнем помещении?

– Нет...

– А глядя на ее машину, ты мог подумать о чем-то таком?

– Лучше бы ты просто ответила на мой вопрос, вместо того чтобы задавать двадцать своих, – проворчал сержант.

– Понимаешь, Брайант, что-то здесь не бьется. С одной стороны, ей был необходим хаос, устроенный на соседней половине – пока я не могу объяснить, почему, – а с другой стороны, она была человеком, любящим порядок и аккуратность.

– И все-таки ты не...

– Минутку, – ответила Ким, идя по пустой прихожей в гостиную и заглядывая по дороге в ящики и под подушки. – Где ты хранил свои вещи, будучи ребенком?

– Везде. Одежду – на кровати, кроссовки разбрасывал по комнате, учебники складывал горой на прикроватной тумбочке... то есть действительно везде.

– А важные вещи? Те, что в любой момент должны были быть под рукой, или те, в месте нахождения которых ты должен был быть уверен? Любовные записочки, любимая модель машинки от «Корги», фотографии полуголых...

– В верхнем ящике прикроватной тумбочки, – ответил сержант, поняв наконец ее логику. – Ты думаешь, что Белинда использовала этот дом в качестве такого ящика? И держала здесь важные вещи – подальше от хаоса соседнего дома?

Ким кивнула и выдвинула нижний ящик комода.

– Ага, – сказала она, доставая оттуда пачку бумаг.

– И что конкретно мы ищем? – спросил Брайант.

– Понятия не имею, – ответила инспектор, протягивая ему пачку. – Но ты пока просмотри вот это, а я обойду дом.

Она поверхностно осмотрела кухню и двинулась дальше. На кухне не увидела никаких признаков того, что женщина любила готовить. И в этом Стоун была с ней солидарна.

Этот дом в принципе мало что говорил ей о жертве. Обычно она могла почувствовать человека, просто осмотрев его жилище. А сейчас в ее распоряжении было целых два дома – и ни один из них ничего не говорил о женщине, привязанной проволокой к качелям.

Как правило, Ким многое могла узнать о жизни и интересах владельца жилплощади. Она обращала внимание на книги, журналы, на мебель и украшения, на всякую ерунду, разбросанную по дому. Но сейчас перед ней была только Белинда Эванс – ученая шестидесяти одного года, бывший профессор детской психологии. А что насчет Белинды-женщины? Что она любила, чего боялась, о чем мечтала? Ким нужна была информация, которая превратила бы эту схему личности в уникальную индивидуальность. Как она росла вместе со старшей сестрой Вероникой и какая тайна скрывается за всем этим?

Однако инспектор не рассчитывала найти портреты в рамках и альбомы с сентиментальными фотографиями. Женщина никогда не была замужем, так что не стоило ожидать изображений детей и внуков на каминной полке. И в то же время что-то не давало Ким покоя. В ее

доме, например, была только одна фотография – она и Мики в возрасте шести лет, – но, хотя дом в целом был скудно украшен, везде присутствовали следы ее пребывания. Собачьи миски, мотоциклетные запчасти, журналы, книги по психологии серийных убийц, засохший цветок на окне. В конце концов, масляное пятно на ковре, которое никак не хотело выводиться.

А здесь все пусто, что для явно непростой женщины было абсолютно неприемлемо.

Ким прошла мимо спальни, в которой не нашлось ни одного предмета мебели, и направилась в спальню в задней части дома. В этой стояли двуспальная кровать, прикроватная тумбочка с лампой, туалетный столик, шкаф и зеркало в полный рост.

Детектив направилась прямо к прикроватной тумбочке. Два верхних ящика оказались пустыми, а в нижнем лежал экземпляр «Пятидесяти оттенков серого»¹⁶ и очки.

Ким почувствовала, что улыбается. Наконец-то свет в конце туннеля...

Она прошла к первому из двух шкафов и обнаружила в нем комплект выглаженной одежды, похожей на ту, что была на жертве накануне вечером. Здесь же висели несколько пар широких брюк. На полке лежало нижнее белье и колготки телесного цвета. Ким быстро перевела взгляд с одежды на предмет, находившийся в правой части шкафа. Вытащила дорожную сумку и поставила ее на кровать как раз в тот момент, когда в комнату вошел Брайант.

– Ну, что там с бумагами?

– Несколько недавних счетов, пара писем от адвокатов относительно окончательного приобретения дома и какие-то банковские выписки... – Сержант покачал головой. – А что у тебя?

Ким расстегнула молнию и стала выкладывать содержимое сумки на постель. Две юбки, пара брюк. Две рубашки, пакет с белым кружевным negligé, еще не распечатанный. Пара туфель, нижнее белье, небольшая пилюльница, наполненная лекарствами, и нечто совсем маленькое в боковом кармане.

– И куда же собиралась наша Белинда Эванс? – поинтересовался Брайант.

Ким достала из бокового кармана три презерватива.

– Мне кажется, гораздо важнее не куда она собиралась, а с кем.

¹⁶ «Пятьдесят оттенков серого» – всемирно известный эротический роман британской писательницы Э. Л. Джеймс (2011).

Глава 13

Пенн отодвинул остатки сэндвича.

– Ты что, не будешь больше? – спросил Дуг, приканчивая вторую упаковку чипсов со вкусом сыра и лука.

Пенн покачал головой, а Линн снисходительно улыбнулась:

– Дуг, клянусь, ты просто бездонная бочка какая-то.

– Просто не люблю, когда еда пропадает зря, – ответил полицейский, протягивая руку к остаткам сэндвича.

Пенну было все равно. Простой сэндвич с майонезом на сером хлебе. Если б он готовил что-то подобное дома, для брата, то не пожалел бы майонеза и добавил бы крупной соли, а потом намазал этой массой два толстых куска белого хлеба. Но даже эту вкуснятину он сейчас съесть не смог бы.

Пенн ненавидел судебные слушания. Хотя и понимал необходимость свидетельских показаний для успешного завершения дела. И вносил во все это свою лепту. Как офицер, арестовавший преступника, он первый занял место на трибуне для свидетелей и зачитал свои показания. После чего последовало несколько вопросов со стороны защиты, к которым Пенн пытался заранее подготовиться и которые оказались вполне безобидными.

– Этот барристер¹⁷ был так мил с тобой, пока ты стоял там, что я уже решила, что он вот-вот предложит сделать тебе массаж ног, – заметила Линн, вытирая рот салфеткой.

Ну да, и это беспокоило Пенна больше всего. Из собственного опыта он знал, что обычно защита выбирает в качестве своей жертвы либо полицейских, либо свидетелей. Если полицейских, то вопросы обычно касаются всех тонкостей соблюдения необходимых процедур. В этом случае защита цитирует страницами текст статьи о доказательствах по уголовному делу из закона о полиции от 1984 года и анализирует каждый шаг полиции, выданные ордера на обыск, саму процедуру ареста, проведение допросов и все остальное, начиная от жестокого обращения с подозреваемым и кончая тем, кормили ли его по расписанию.

Пенн знал, что в данном случае все требования закона были соблюдены, но тем не менее ждал, что барристер может упереться.

А теперь, если цель защиты – не полицейские, то что она знает о свидетелях?

– Ага, этот парень чуть по головке тебя не гладил, – согласился с Линн Дуг.

– Послушай, не сглазь, – та толкнула Дуга под ребро. – Наша очередь следующая, и мне вовсе не хочется, чтобы меня мучили.

– Дорогая, я готов мучить тебя всю жизнь... – Полицейский подмигнул ей.

– Дуг... – В голосе Пенна слышалось предостережение.

– А ты возьми и попробуй, приятель, – ответила Линн стальным голосом.

Пенн знал, что Линн вовсе не нуждается в его защите. Половина команды до смерти боялась ее, но иногда Дуг позволял себе переступить черту...

Тот закатил глаза, всем своим видом показывая, что Пенн воспринял все слишком серьезно, и достал телефон.

– Эта необходимость ошиваться здесь здорово выводит из себя, правда? – обратилась Линн к Пенну.

Сержант кивнул. Он уже дал свои свидетельские показания и теперь вынужден был бесцельно сидеть на этом гребаном заседании, пока ребята расследуют убийство.

– Хотя я рада тебя видеть, – теперь Линн подтолкнула уже Пенна.

¹⁷ *Барристеры* – категория адвокатов в Великобритании и странах Содружества, которые могут вести уголовные дела в суде Короны; адвокаты более высокого ранга, чем солиситоры.

– Взаимно, – согласился он, осматриваясь. Люди уже поглядывали на часы, чувствуя, что перерыв на ланч подходит к концу.

– Пойду покурю, – сказал Дуг, отодвигая свой стул.

– Приятель, у тебя осталось меньше...

– Да ладно тебе, – отшутился Дуг. – В крайнем случае скажешь, чтобы начинали без меня, – добавил он, похлопав Пенна по плечу.

– Советую тебе досчитать до десяти, – вмешалась Линн.

– Этого не хватит.

– И не думай, что я не обратила внимания на то, как равнодушно ты отнесся к моим словам о том, как здорово вновь увидеть Пенна.

– Конечно здорово, – Дуг посмотрел на часы.

– Тогда, если ты закончил ездить мне по ушам, забыв о том, что я знаю тебя как облупленного, давайте на этом прекратим.

Если б дело происходило не в суде, Пенн рассмеялся бы, увидев всепонимающее выражение на ее лице.

Когда он сегодня утром собирался идти в суд, какая-то его часть радовалась возможности вновь встретиться со старыми коллегами, поболтать с людьми, которых он так хорошо знал и с которыми дружил вот уже много лет. Он просто успел забыть о том, как часто в прошлом ему приходилось подтирать соплю офицеру полиции, который был старше его лет на пятнадцать.

А еще он понял одну важную вещь. Его прошлой команде не хватало сбалансированности. Она была больше и состояла из сержантов и констеблей, собранных с бора по сосенке, поэтому, несмотря на их профессионализм, когда дело доходило до распределения обязанностей, никто не был готов взять на себя инициативу. А он уже начал понимать, что именно делает команду сильной и жизнеспособной. Ключевым словом была «взаимозаменяемость». В этом случае, если один выпадал из обоймы, то команда продолжала работать. А в его старой команде не было и речи о командной игре, и никто не ощущал своего места в ней.

В новой же команде все роли были четко распределены, потому что сама команда была меньше по численности. Босс и Брайант старались ковать железо, пока горячо, и у них не было времени даже на то, чтобы нормально передохнуть. Стейси занималась поисками информации и расследованием онлайн. А он действовал в зависимости от создавшейся ситуации. Иногда раскапывал вместе со Стейси необходимую информацию, иногда опрашивал свидетелей или проводил подомовой обход, иногда проверял алиби или поступал в соответствии со своим шестым чувством.

– А как поживает Джаспер? – прервал его размышления вопрос Линн.

– Совсем неплохо, – Пенн улыбнулся. – Все еще вспоминает, как обогнал тебя на карте. Откинув голову, Линн рассмеялась.

Впервые она встретила с его братом на картодроме, где Тревис решил устроить для всей команды день отдыха после одного особо кошмарного дела, связанного с убийством ребенка. Он захватил с собой брата. И вот в финальном заезде встретились его брат и Линн, которая только что закончила курсы экстремального вождения.

Пенн знал, что она поддалась Джасперу, и был ей за это благодарен. Встретившись с ней глазами, он вдруг понял, как скучал по ней. И именно с Линн ему больше всего хотелось встретиться.

– Ну... в общем... спасибо тебе за то, что позволила ему взять...

– Ничего я не позволяла. Этот ребенок обыграл меня в честной борьбе.

Пенн не успел ответить – он увидел, что к ним направляется Филип Мэйнард, и выражение его лица под париком королевской прокурорской службы не предвещает ничего хорошего.

– Один из свидетелей исчез, – поспешно сообщил он.

– Наш или их? – поинтересовался Пенн.

– Их, – ответил прокурор, хотя это и не имело принципиального значения. Любой исчезнувший свидетель мог полностью нарушить течение суда и изменить его решение, выведя, таким образом, преступника из-под заслуженного наказания.

– И кто именно? – задал вопрос Пенн. Последний раз, когда он проверял, все было в порядке и все были на своих местах.

Раздался звук гонга, приглашавший всех в зал.

– Декстер Макканн. Он вышел минут двадцать назад, и с тех пор его никто не видел.

Сосед Григория, который настаивал на том, что в момент убийства Девлина Капура Григорий находился дома. Этот свидетель ничем не угрожал обвинению, и то алиби, которое он предоставил Григорию Нориеву, не выдерживало даже поверхностной проверки, но чувство тревоги так и не покинуло Пенна.

Напротив, оно только усилилось.

Глава 14

– Командир, готов поспорить на свое авто, что расстояние между этими лобелиями тщательно вымеряли при посадке, – заметил Брайант, когда они шли по асфальтовой дорожке к дому мистера Блэнкинсопа. По обеим сторонам тропинки шли бордюры шириной ровно в один фут из кустов лобелии с фиолетовыми, и только фиолетовыми цветами.

– Даже если б ты предложил поспорить на что-то стоящее, я бы не стала, – ответила Ким, рассматривая абсолютно симметричные кашпо с цветами по обеим сторонам входной двери.

Вертикально повешенные шторы затеняли как верхние, так и нижние окна. Это позволяло сохранять приватность и в то же время не мешало жильцам изучать улицу. Идеальная конфигурация для не в меру любопытного соседа.

– Мистер Блэнкинсоп? – уточнила Ким, когда дверь им открыл мужчина сильно за пятьдесят.

В ноздри ей ударил запах лимонов, и она никак не могла решить, исходил ли он от открывшего дверь или им тянуло из дома.

На мужчине были отглаженные со стрелками джинсы, а его тенниска с короткими рукавами была безупречно белой. На груди висели очки на шнурке.

Мужчина кивнул.

– Вы позволите нам войти?

Он снова кивнул, но проход не освободил. Вместо этого посмотрел куда-то вниз.

– Конечно, но прежде вам придется снять обувь.

Ким посмотрела сначала на Брайанта, а потом на хозяина дома.

– Я уверена, что наша обувь не такая уж грязная, мистер...

– Я прошу вас, – настойчиво повторил мужчина.

Никогда за все годы ее службы Ким еще не просили снять обувь перед тем, как войти в помещение.

– Не беспокойтесь, сэр. Мы просто думали, что вы можете помочь нам с тем, что произошло на вашей улице, но, наверное, будет лучше, если мы пройдем в следующий дом.

– Хорошо, хорошо, – сказал хозяин, открывая дверь. Очевидно, желание стать соучастником победило в нем необходимость сохранить чистоту ковров. – Если не возражаете, поговорим на кухне, – предложил он, указывая куда-то вдоль холла.

Попытка минимизировать урон. Им не позволено проходить в гостиную в уличной обуви.

Инспектор прошла мимо мужчины, направляясь туда, где, судя по всему, находился эпицентр пикантного аромата.

Кухня оказалась на удивление современной, светлой и полной воздуха. Пол был выложен плитняком. Перед окном с видом на сад, выходящим на патио, стоял легкий пластиковый стол. Небольшой прудик с рыбками украшали разноцветные цветы.

– Итак, мистер Блэнкинсоп, что вы можете рассказать нам о Белинде Эванс?

– Знаете, я не слишком хорошо ее знал. То есть я хочу сказать, что мы с ней здоровались, обменивались рождественскими открытками и все такое, но...

– Понятно, – прервала его детектив. Это было гораздо больше, чем она позволяла себе со своими соседями, за исключением Чарли, лучшего друга Барни. – А что вы можете сказать о ее образе жизни? Ничего не замечали?

– Если вам это интересно, то она была немного странной. Не замужем, без детей, без партнера – и вдруг покупает соседний дом бог его знает, чего...

Значит, он никогда не был у нее в доме, а если судить по стерильной атмосфере его собственного жилища, то визит туда вполне мог бы стать последним событием в его жизни.

– Вы не замечали никаких незнакомых или подозрительных людей, посещавших ее или ошивавшихся возле ее дома?

– Она часто выходила, особенно по вечерам, – Блэнкинсоп покачал головой. – Иногда возвращалась только рано утром, а иногда отсутствовала по несколько дней.

– Вы не знаете, где она проводила время? – спросила Ким, вспомнив дорожную сумку. И опять сосед отрицательно покачал головой.

– А с кем? Может быть, с сестрой? – задал вопрос Брайант.

– Нет, я так не думаю, – сосед нахмурился. – Все это очень странно. Их вообще трудно было отличить друг от друга. Одинаковые прически, одежда, машины... Как будто они хотели выглядеть близнецами.

За исключением того, что, судя по всему, они не переносили друг друга.

– Сестра появлялась в доме два-три раза в день. Иногда всего на несколько минут, может быть, на полчаса, но все это выглядело так, будто они не могли прожить друг без друга даже несколько часов. Очень странно для женщин в возрасте...

Он замолчал, услышав сигнал телефона Ким.

– Прощу прощения, – извинилась детектив, выходя в холл. – Говори, Стейси, – разрешила она, убедившись, что их никто не слышит.

– Босс, вы говорили, что сестры не очень любили друг друга, и я подумала, что, может быть, вам стоит выяснить, почему в последнее время они говорили между собой по телефону не менее десяти раз в день.

Глава 15

Пенн наблюдал, как Рики Дрейк занял свидетельское место и положил руку на Библию. И хотя сержант не был религиозным человеком, ему захотелось вырвать священную книгу у Дрейка из-под руки.

Даже сейчас он не мог объяснить, почему этот человек не понравился ему с первого взгляда, хотя ему и приходилось прятать это неприятие на протяжении всего расследования, так как Рики проходил по делу как главный свидетель.

Он не впервые встречал типов, похожих на Дрейка, – такие отбросы общества находились в вечных поисках того, что плохо лежит, а этого два года назад даже арестовывали за ограбление дома. Но человек этот видел то, что он видел, а выбирать свидетелей, к сожалению, никому не позволено.

Пенна приятно удивил тот факт, что Рики хоть как-то подготовился к визиту в суд. Грязно-серые треники сменились черными брюками, а тельняшка – белой рубахой с длинными рукавами, скрывавшей бо€льшую часть наколок, покрывающих его тело.

Пенна всегда интересовало, действительно ли члены суда присяжных искренне верят во все эти игры, разыгрываемые обеими сторонами процесса. Свидетелей моют, чтобы они выглядели более респектабельно, стригут, чтобы они выглядели моложе... Естественно, что во всех сериалах, идущих по ящику, присяжные уже давно не верили в эту ерунду.

И вот теперь, когда Рики Дрейк вошел в зал, члены жюри встретили его с абсолютно каменными лицами. Хотя сержант хорошо представлял себе, какими глазами они смотрели бы на него, если б он не привел себя в порядок. А сейчас его робкое появление никого не возмутило, и поэтому присяжные приготовились выслушать его без всякой предвзятости и предубеждения.

Да, обвинение постаралось превратить его в заслуживающего доверия свидетеля, и Рики заметил, как Дуг одобрительно кивнул в его направлении.

Пенн и его коллеги были удивлены, когда Рики Дрейк предложил поделиться с ними информацией о вооруженном ограблении в обмен на смягчение наказания за мелкое воровство из магазина, потому что Пенн считал его достаточно заматеревшим, чтобы знать, что подобные взаимные услуги существуют только в кино. Так или иначе, но после сэндвича и стакана кофе из буфета в полицейском участке Рики выложил им все.

Он рассказал, как около десяти вечера или чуть позже вышел из паба «Плачущая собака», чтобы успеть отовариться в местной забегаловке, торгующей навынос. Перешел дорогу, заглянул в ярко освещенные окна бензоколонки и увидел мужчину, который, как ему показалось, совершал обычную покупку. Рики остановился, чтобы прикурить сигарету, а когда еще раз взглянул на парня, то понял, что он его уже где-то видел, – и после этого продолжил свой путь к забегаловке.

Все это очень удивило и Пенна, и Дуга – ведь они все это время грешили на братьев Рид, считая, что у преступления их почерк. Но не могли проигнорировать показания свидетеля, проходившего мимо в момент совершения преступления. Заявление Рики в корне изменило направление расследования и в конце концов привело к аресту убийцы.

Рики сообщил им достаточно подробностей о преступнике, чтобы они смогли выйти на Григория Нориева и допросить его. Вначале жена Григория подтвердила его алиби, а потом призналась, что солгала, сказав, что в вечер убийства муж находился дома.

Это признание позволило полицейским получить ордер на обыск в доме предполагаемого убийцы.

Дуг в нем ничего не нашел, а Пенну повезло, когда он обнаружил в садовом сарае испачканную кровью майку, запрятанную в сумку. Криминалисты подтвердили, что кровь принадлежит Девлину Куперу.

Но, несмотря на то что Рики Дрейк дал им ключ к этому преступлению, в нем было что-то такое, что вызывало у Пенна рвотные позывы.

Он вновь включился в происходящее как раз в тот момент, когда прокурор дошел со свидетелем до самой сути его показаний.

– Так, значит, вы заглянули в ярко освещенную бензоколонку, когда проходили мимо?

– Ну да, все правильно, – ответил Рики, который, казалось, наслаждался всем происходящим. Он смотрел на присяжных как на своих персональных слушателей, собравшихся только для того, чтобы услышать его личное выступление. Так что на какое-то мгновение он отвлекся, полностью поглощенный той ролью, которую играл для своих «поклонников».

– Но потом вы остановились, чтобы прикурить сигарету...

– Да не, рыгаловка была уже совсем близко, а там никто не возникает, ежели вы заходите с сигой...

Пенн чуть не задохнулся, заметив, как защита подняла глаза на свидетеля. Он хорошо понимал, чем она так заинтересовалась.

С самого первого дня Рики настаивал на том, что у него было достаточно времени, чтобы хорошо рассмотреть убийцу, потому что он останавливался, прикуривая сигарету.

Обвинитель отчаянно пытался заставить Рики вспомнить его прошлые показания и рассказать присяжным «правильные» подробности. Те, которые были указаны в протоколе, лежавшем прямо перед ним.

Защита что-то строчила, не останавливаясь ни на минуту.

А Пенн пытался проглотить желчь, скопившуюся у него во рту.

Глава 16

Дом Вероники оказался не таким, какой Ким нарисовала себе в своем воображении, – и в то же время полностью ему соответствовал.

Это был четырехэтажный таунхаус с гаражом на первом этаже. Трудно найти здание, которое больше отличалось бы от одноэтажного жилища ее сестры. Эта высота, этот впечатляющий вид строения идеально подходили женщине, живущей в нем.

– Ненавижу такие дома, – простонал Брайант, когда они подошли к входной двери. – У меня была тетка, которая жила в подобной конструкции; слишком уж много в ней ступенек, да и вся планировка какая-то странная...

Ким, не обращая внимания на его слова, постучала во входную дверь.

– То есть я хочу сказать, кому может понравиться спальня, расположенная прямо под кухней или...

– Добрый вечер, офицеры, – поздоровалась Вероника, открывая дверь. Казалось, она совсем не удивилась, увидев их на пороге своего дома.

Женщина успела переодеться; теперь на ней были аккуратные джинсы и футболка с V-образным вырезом, на нагрудном кармане которой была вышита роза, и домашняя обувь на плоской платформе. Волосы она распустила.

В отличие от домов Белинды, в этом царил какой-то мягкий ненавязчивый аромат с мускусным оттенком.

– Прошу вас, поднимайтесь, – Вероника указала на лестницу, идущую вдоль гаража на две машины. – Мой кабинет на втором этаже.

Поднимаясь по ступенькам, Брайант не переставая цокал языком, хотя слышала это только Ким.

На первой лестничной площадке находилось нечто, что инспектор посчитала гораздо большим, чем просто кабинет. Это пространство как бы приглашало вас в теплую атмосферу, созданную разнокалиберной мебелью, относящейся к разным эпохам. Свет через выходящее на юг окно падал на полированную поверхность антикварного стола из красного дерева. Подушки удобных кресел, стоявших перед камином, выглядели потертыми, но в то же время очень уютными. Одна из стен была полностью занята шкафом с книгами в кожаных переплетках. На другой стене висели в рамках кадры из старых фильмов. По всей комнате были расставлены стеклянные емкости с водой и деревянными палочками. Все усилия Ким по сохранению чистого воздуха в ее собственном доме – такие как разбрызгивание «Ньютродола» или электрические ароматизаторы с яблочным запахом – не шли ни в какое сравнение с усилиями хозяйки в этом направлении.

И в то же время эта комната была тем, чем она была, – удобным местом для проведения времени.

– Это моя любимая комната в доме, – сказала хозяйка, поднимаясь вслед за ними. – Большая часть дня я провожу именно здесь. – С этими словами она пересекла комнату и распахнула дверь современной, полной света кухни, ничем не похожей на то помещение, в котором они находились. – Могу я предложить вам...

– Спасибо, не надо, – ответила детектив.

Вероника закрыла дверь и указала на удобные кресла перед камином. Сама она села на то, что стояло слева; таким образом для полицейских осталось только одно свободное место на двоих. Использование же стула, стоявшего возле стола, выглядело бы слишком фамильярным и бесцеремонным.

Брайант отошел к полкам с книгами, а Ким задумалась, проводили ли сестры время, сидя рядом в этих креслах, глядя на огонь и потягивая вино из бокалов.

– И так, чем я могу помочь вам, офицер? – спросила Вероника, закидывая ногу на ногу и аккуратно складывая руки на коленях.

У Стоун появились подозрения, что этого никогда не происходило, особенно принимая во внимание то, что Вероника уже успела сообщить им о своих отношениях с сестрой. И именно это заставило ее задать свой первый вопрос.

– Мисс Эванс...

– Вероника, – быстро поправила ее женщина.

– Прошу прощения. Ранее вы уже упомянули, что ваши отношения с сестрой...

– Прошу вас, офицер, будьте с ними поаккуратнее; многие из них – это самые первые издания... – Вероника повернулась к сержанту.

Как пойманный за руку проказник, Брайант отошел от книг. Ким вновь поразила тому, что они натолкнулись, по-видимому, на человека, который был по характеру ближе ей, чем Брайанту.

– Вы говорили, что были не так чтобы очень близки...

На лице Вероники появилось некое подобие улыбки.

– Говорила я не совсем это, но вы недалеко от истины.

Да, Вероника сказала, что они не переносили даже вида друг друга.

– И тем не менее вы постоянно общались по телефону, судя по журналу ее мобильного.

– Конечно, – согласилась Вероника. – Мы же сестры.

– И при этом вы не любили друг друга?

– Вы правы, офицер. Но я не могу понять, к чему вы клоните.

Во что было сложно поверить, глядя на эту умную, образованную женщину.

– К тому, Вероника, что родственники, которые не любят друг друга, обычно идут каждый своим путем и стараются как можно реже общаться друг с другом. – Еще Ким хотела добавить, что они не одеваются одинаково, не ездят на одинаковых машинах, не живут на расстоянии короткой прогулки друг от друга и не разговаривают по телефону по двадцать раз на день.

– У нас никого не осталось после смерти родителей.

– И это вас сблизило? – Стоун искренне пыталась понять Веронику.

– Вовсе нет. В детстве никто не сказал бы, что в будущем мы будем близки.

– А почему, можете объяснить?

– Не могу, потому что это не имеет никакого отношения к случившемуся и ничем не поможет вам в раскрытии преступления.

– Почему вы так в этом уверены? Разве вы не готовы сделать все от вас зависящее, чтобы помочь нам поймать негодяя, поступившего так с вашей сестрой? – уточнила инспектор.

– Если б я считала, что события полувековой давности могут помочь в розыске преступника, то с удовольствием поделилась бы с вами. Но это, увы, не так.

То легкое любопытство, появившееся у Ким где-то глубоко внутри, теперь превращалось в настоящую потребность выяснить, что же произошло между этими двумя женщинами, чтобы потом можно было решить, поможет это в расследовании или нет.

– Вероника, честное слово, я...

– Офицер, вас должно интересовать только, где я находилась во время убийства Белинды; я полагала, что именно в этом цель вашего визита, и лишь поэтому пригласила вас в дом. В момент ее смерти я находилась здесь, в этой комнате, и говорила по «Скайпу» с редактором «Дейли телеграф»¹⁸. В этом вы можете убедиться, сделав всего один телефонный звонок. После того как вы получите это подтверждение, наши с вами отношения закончатся.

– А могу я поинтересоваться, с чем был связан звонок по «Скайпу»?

¹⁸ «Дейли телеграф» – ежедневная британская газета, основанная в 1855 г.; одна из наиболее популярных и многотиражных газет в стране.

– Тринадцать по горизонтали и одиннадцать по вертикали.

– Простите, не поняла.

– Кроссворд, офицер. Это моя работа. Я придумываю кроссворды для газет. Моему редактору показалось, что два из заданий были слишком сложными, с чем я не согласилась, но он настаивал на их замене. – Женщина встала. – Если у вас больше ничего нет...

– Как ни странно, есть, – ответила Ким, не пошевелившись. – У вашей сестры в шкафу обнаружена дорожная сумка. Не знаете случайно, куда она собиралась?

– Черт побери, мы же договорились... – Она заметила удивленное выражение на лице хозяйки.

– Договорились о чем, Вероника?

– Не важно. Простите, офицер, но я не имею ни малейшего понятия, куда собиралась моя сестра.

Ким никогда не любила, когда ей лгали на голубом глазу, а Вероника сейчас занималась именно этим.

– Может быть, вы знаете, зачем ей был нужен солидный запас презервативов? – продолжила настаивать детектив.

– Еще раз прошу прощения, инспектор, но я не собираюсь отвечать на ваши вопросы и хочу, чтобы вы покинули мой дом. Прямо сейчас.

Будь проклято упрямство этой женщины... Но у Ким не было никаких причин продолжать давить на нее. То, что Вероника лгала ей прямо в глаза, по закону не считалось достаточным основанием для давления.

Инспектор встала, коротко попрощалась с хозяйкой и стала спускаться по лестнице. Вероника не стала провожать их, и Брайант захлопнул за ними входную дверь.

– Черт побери, закончилось все достаточно быстро, но узнали мы не так уж много, – заметил он, пока они шли к машине.

«Совсем наоборот», – подумала Ким, вспомнив, что женщина сказала о кроссворде и о своих собственных мыслительных способностях. Ее не покидала мысль о том, что они натолкнулись на любительницу повыпендриваться.

Глава 17

Сидя за столом, Пенн постарался продышаться, чтобы избавиться от ощущения усталости, не имевшего никакого отношения к тяжелой физической работе. Целый день, проведенный в зале суда, выбил его из колеи больше, чем полноценное двенадцатичасовое дежурство. Безделье убивало мозг, а тело наполнялось не имеющей выхода энергией.

После заседания он позвонил боссу, которая велела ему отправляться домой. Пенн хотел было возразить, настаивая на том, что он тоже может чем-то помочь, но Стоун посоветовала ему побереечь силы. Пенн хотел сказать ей, что берег силы весь день, но она уже дала отбой. Поэтому он с удовольствием согласился на предложение Линн выпить по чашечке кофе. Так же, как и Дуг, – хотя Пенн не был уверен, что приглашение распространялось и на него.

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – спросил Дуг, ослабляя узел галстука и доставая телефон.

– О чем именно?

Тот кивнул в сторону Линн, которая ставила на поднос три обезжиренных латте.

– О ее новой машине. Кожаный салон, навигация в базе, легкосплавные диски...

– Но она совсем не новая, Дуг, – Пенн улыбнулся. – Просто не такая старая, как ее предыдущая.

– Ну да, вы, сержанты, любите пустить пыль в глаза, ставя всем выпивку и покупая новые машины...

Пенна так и подмывало посоветовать ему самому подать заявление на очередное звание, но он вовремя вспомнил, что Дуг уже делал это и благополучно провалил экзамен. О таком, наверное, не стоит напоминать лишний раз. Да и вообще, повышение в зарплате не такое уж и большое...

– А ты видел ведро с гайками, на котором езжу я? – спросил он, снимая чашки с подноса, поставленного Линн на стол.

– Ты опять ноешь по поводу моей машины, Дуглас? – поинтересовалась Линн, называя Дуга полным именем, зная, что он его ненавидит.

– Отвали, – огрызнулся полицейский.

– Люблю тебя еще больше, – пошутила Линн, усаживаясь рядом с ним и толкая локтем под ребра.

Дуг расслабился и положил телефон на стол.

– Что-то новенькое о Декстере Макканне? – спросил Пенн о пропавшем свидетеле. Он уже не был подключен к рассылке Западномерсийского управления.

Дуг покачал головой.

– Хотя меня это мало волнует, – добавил он, кладя в кофе две порции подсластителя. – Ведь это их свидетель, а не наш. В любом случае мы знаем, что он врет. Ведь мы арестовали того, кого надо.

– Но зачем ему врать? – задал вопрос Пенн. – Он ведь только сосед, так в чем же его выгода?

– Ты что, хлыщ, хочешь перейти в чужой лагерь? – Дуг прищурился.

Пенн должен был признаться, что единственное, о чем он совсем не жалел, – так это о темпераменте Дуга, особенно когда у последнего портилось настроение. Покачав головой, он предпочел не обращать внимание на «хлыща».

– А ты согласна, что Декстер Макканн врет? – спросил Дуг, повернувшись к Линн.

Подумав немного, женщина отрицательно покачала головой.

– Мне кажется, он просто запутался. Он знает, что каждый день, ровно в половине одиннадцатого вечера, Григорий загоняет собаку домой. Но разве он может помнить каждый божий вечер?

Именно это все они и говорили в свое время.

– Думаю, что нам хватит проблем с нашим собственным свидетелем, – продолжила Линн, отпив глоток кофе, – так что не стоит беспокоиться еще и о свидетелях защиты.

– Правильно, но разве это была не гребаная оговорка с его стороны? – Пенн повернулся к Линн. – Ведь он же сам это сказал. Я имею в виду, во время первого допроса.

На лице Линн сержант заметил раздражение, смешанное еще с каким-то чувством, которое он не смог сразу определить.

– Ну конечно, – огрызнулась Линн и грохнула чашкой о блюдец. – Я ведь совсем не знаю, как проводить опрос свидетеля.

– Хватит тебе, Пенн, – сказал Дуг, посмотрев сначала на него, а потом на Линн. – Этот алкаш повторял свои слова на каждом шагу. Если что, это его ошибка.

– Ошибка? – переспросил Пенн. – Рики полностью забыл о том, что он делал, когда увидел на бензоколонке обвиняемого.

– Он его точно видел, – заверил Дуг. – Но голова у него пошла кругом от того, что он впервые в жизни оказался на стороне закона. Вот и ошибся...

Пенн никак не мог понять, каким образом природная наглость способна влиять на способность человека запоминать то, что с ним происходит, но он не собирался спорить по этому поводу со своими коллегой и подругой. Судя по печальному выражению лица Линн, он и так уже успел ее достать.

– В любом случае ничего трагичного еще не случилось, – Дуг потянулся за телефоном. – Присяжные ничего не заметили и, кажется, верят ему.

Пенн молча отхлебнул кофе.

Да, присяжные вроде бы верят Рики Дрейку, но про себя он этого сказать не мог.

Глава 18

Без четверти шесть Стейси выключила компьютер и откинулась на спинку кресла. Босс велела ей отправляться домой, а констебль уже давно научилась различать нюансы настроений Ким.

Пока она осматривала пустую комнату, на нее нахлынули воспоминания.

Стейси совсем недавно получила звание детектива-констебля и только что была назначена в команду Ким. В самый первый день босс велела ей отправляться домой. И пока Стейси собирала свои вещи, ее новый коллега, Кевин Доусон, в ужасе смотрел на нее.

– Ты что делаешь?

– Иду домой, – ответила она, показывая на телефон. – Босс только что сказала...

– Забудь о том, что только что сказала босс. У нас на руках труп и три текущих расследования. Ты что, правда думаешь, что босс хочет, чтобы ты отправилась домой?

– Но почему тогда она велела мне идти? – спросила ничего не понимающая Стейси.

– Потому что твое рабочее время закончилось. Сверхурочные здесь никто не платит.

Стейси стояла с пальто и сумкой в руках, чувствуя себя полной дурой и не зная, что делать дальше.

Какое-то время Доусон внимательно изучал ее, прежде чем снова заговорить.

– Это как раз тот момент истины, когда необходимо решить, каким копом ты станешь в будущем. И решать предстоит тебе – самое главное, чтобы ты сделала свой выбор и уже никогда его не меняла.

...Эти сладостно-горькие воспоминания заставили Стейси улыбнуться. Она вспомнила, как тогда приняла Кевина за высокомерного сноба и как с течением времени ее мнение о нем совершенно изменилось.

И, конечно, в тот раз он был абсолютно прав. Два часа спустя, когда босс и Брайант вернулись в офис, Ким коротким кивком в ее сторону показала, что заметила ее присутствие.

Совет Доусона решить все раз и навсегда сильно помог ей, а кроме того, научил ее разбираться в настроениях босса. То есть все они отправлялись по домам только в том случае, если сама Стоун уходила домой.

Хотя ей вовсе не хочется домой, поняла Стейси, направляясь к лестнице, навстречу толпе полицейских, только что заступивших на смену. Она пробиралась сквозь ряды коллег, часть из которых тоже шла домой, а часть – только приступала к работе. И все они обменивались последними новостями. Задержание, злостное нарушение общественного порядка, насильственные действия...

Наконец Стейси оказалась в дежурной части, и как раз в этот момент к дверям подкатили две патрульные машины.

Дойдя до конца парковки, она заколебалась. Если повернет налево и останется на этой стороне дороги, то сможет сесть на автобус, который довезет ее до небольшой квартирki в Дадли, расположенной всего в полумиле от родительского дома. Если же повернет направо и перейдет через дорогу, то автобус довезет ее до квартиры Девон, в которой она проводила большую часть своего свободного времени.

Стейси вспомнила о текстовом сообщении в телефоне, на которое она так и не ответила.

«Решать тебе, но решай прямо сейчас», – прозвучало у нее в голове.

Стейси сделала шаг и повернула налево.

Глава 19

Ким нажала кнопку воспроизведения на своем «Айпode», и гараж наполнился звуками «Кольца нибелунгов»¹⁹. Звуки вагнеровской тубы, сопровождаемые партией французского рожка и тромбона, полностью захватили ее.

Вернувшись домой, Стоун успела принять душ, выгладить белье, накормить собаку и пропылесосить дом. Будь на то ее воля, она продолжила бы работать, все глубже погружаясь в жизнь Белинды Эванс, но Вуди лично вручил ей экземпляр меморандума.

И вот она оказалась дома еще до наступления темноты – оставалось только расслабиться.

Барни занял свое привычное место возле кухни, а Ким все еще мысленно спорила с начальством.

У меня труп в морге.

В морге всегда найдется труп. А вам необходимо выполнять свои обязанности по отношению к вашим сотрудникам.

Но члены моей команды – взрослые люди.

Вам надо на какое-то время забыть об этом.

– Черт бы вас всех побрал! – воскликнула Ким и швырнула на пол гаечный ключ. Откуда ей знать, что теперь делать? Дьявольщина... Она никогда не хотела детей и не боялась в этом открыто признаться. Она никогда не хотела отвечать еще за кого-то, и ей хватало ума понимать, что ребенку с ней тоже будет не сладко. Она вовсе не была уверена, что Чарли по-соседски будет ежедневно выгуливать его так же, как сейчас он выгуливает Барни. И пса ей вполне хватало. Нет, ребенок – это точно не для нее, а она каким-то образом умудрилась заиметь сразу трех... Уже взрослых.

Барни поднял голову и посмотрел на хозяйку.

– Я действительно расслабляюсь, честное слово, – заверила его Ким, вставая на колени и доставая брошенный ключ.

Пес встал и прошел мимо нее. Он махал хвостом не больше двух секунд, когда раздался стук в дверь.

– Ты там?

– Отвали, я расслабляюсь, – крикнула она своему коллеге.

– Ну, это я слышу.

– Зайди через дверь, – крикнула в ответ Ким, которой хотелось выбраться из гаража.

Обычно она с удовольствием проводила время в этой самой любимой части своего дома. И больше всего на свете ей нравилось складывать мозаику из частей мотоцикла, которая постепенно превращалась в единое целое. Но это только когда она чувствовала, что заслужила это удовольствие.

Когда Брайант вошел через входную дверь, в руках у Ким уже был перколятор.

На пути сержанта возникло непреодолимое препятствие, машущее хвостом.

– Ну-ну, собачка, – сказал сержант и протянул яблоко в виде входной платы; это был кратчайший путь к сердцу Барни. – Не могу заснуть, – пояснил он, усаживаясь на барный стул возле кухонной стойки.

– Но ведь сейчас нет еще и девяти часов, – Ким улыбнулась.

– Ну что ж, тогда это все объясняет.

– Тебе надо расслабиться.

– Пытался, – Брайант пожал плечами. – Скука смертная.

¹⁹ Название цикла из четырех эпических опер Р. Вагнера, основанных на реконструкциях германской мифологии, исландских саг и средневековой поэме «Песнь о Нибелунгах».

– А как? – уточнила Ким, поворачиваясь к нему. – Как именно ты пытался расслабиться и почему Дженни не нашла тебе никакой работы по дому?

Обычно жены радуются, когда мужья помогают им по хозяйству.

– Мне велели заняться прополкой палисадника. Как тебе такой вариант?

Зная, насколько сержант ненавидит все, связанное с садом, Ким поняла, что он дошел до точки.

– И?..

– Я-то думал, что мы платим за это какому-то юнцу, который работает в свободное от учебы время.

Ким улыбнулась – в этом была вся Дженни.

– Потом я включил стиральную машину. И, как оказалось, зря. Потому что у нас уже развешено белье в ожидании глажки. Ну кому может прийти в голову, что стиральные машины и утюги должны работать только по определенным дням недели?

– Брайант, ты уделяешь всей этой ерунде слишком много внимания.

– Ну да, именно это и сказала Джен, прежде чем отправить меня к тебе.

Ким рассмеялась в голос. По правде говоря, она любила Дженни почти так же, как и Брайанта.

Дженни никогда не позволяла себе вмешиваться в отношения, которые за все эти годы сложились между Ким и сержантом. Работа без сна и отдыха, бесконечные ночные вызовы, полное погружение в особо сложные дела, когда ни на что другое не остается ни сил, ни времени, – все это она понимала и принимала. И просто наслаждалась любовью своего мужа.

– Понимаешь, у нее проблемы с адаптацией, – продолжал меж тем Брайант, пытаясь раскрутить на ребре подставку под стакан.

– Неужели? – Ким со значением взглянула на него.

– Ну да. Знаешь, я часто слышал разговоры парней о том, чем они занимаются в перерывах между рабочими сменами. Посещают родителей, встречаются с друзьями... Все эти «ночи свиданий» – что бы это ни значило, – игры с детьми, уборка, готовка... я всегда думал, как здорово было бы принять участие во всем этом. То есть пожить нормальной жизнью...

– Ну так вот у тебя и появился шанс.

– Он мне не нужен, командир... то есть я хотел сказать, Ким, – сержант вспомнил о правиле: «Дома только по именам». – И мою семейную жизнь это тоже никак не расцветивает.

– Это ты сейчас шутишь? – Стоун подвинула ему чашку кофе.

– Мы никогда такими не были, – сержант покачал головой. – У нас никогда не возникало потребности всегда быть вместе. У Дженни есть ее подруги на работе, ее книжный клуб, паратройка школьных друзей, а у меня – регби... ну, и... работа...

– Боже мой, Брайант, и, поскольку регби ты сейчас почти совсем забросил, ты оказался в плачевном положении...

– А разве это не так?

– Ты никогда не говорил мне, почему решил отказаться от регби. То есть я знаю, что в большинстве игр тебе здорово доставалось, но ведь в этом нет ничего нового.

– Да, и у меня не было какой-то одной причины, – ответил Брайант, и по его лицу пробежала тень. Если Ким правильно помнила, то окончательный разрыв с регби произошел во время их последнего крупного расследования...

Она внутренне содрогнулась и постаралась избавиться от этих воспоминаний.

– То есть я хочу сказать, что некоторым парам требуется как можно больше времени проводить вместе. Возможно, это определяется их психологией и физиологией...

– Дженни что, ударила тебя? – Ким постаралась скрыть улыбку.

– Швырнула в меня пультом от телевизора, когда я выключил «Эммердейл»²⁰ и предложил ей прогуляться.

– Мне кажется, что тебе надо найти каких-то друзей-мужчин, – инспектор рассмеялась.

– Или продолжать работать так, как я работаю вот уже...

– Прости, но у меня приказ. Ты же знаешь, что Вуди совсем с ума сошел после того, как прочитал этот отчет о моральном выгорании сотрудников. – Поколебавшись, Ким продолжила: – То есть я хочу сказать, что ты у нас никогда не торопишься, и о твоём выгорании и речи не идет, но...

– И тебе спасибо, Ким, – сержант провел рукой по волосам.

– ... руки у меня связаны.

– Вуди же можно ничего не рассказывать. Например, после того, как работа заканчивается, мы могли бы продолжать отсюда...

– Не пойдет.

Во время последнего расследования команда уже сидела у нее в доме круглыми сутками, и ей вовсе не хотелось повторения этого.

– Вся проблема в том, что Белинда Эванс никак не идет у меня из головы. И перед глазами у меня все время она, сидящая на этих качелях, с колючей проволокой на кистях рук, с вывернутыми в коленях ногами... Неуклюже свисающая с цепей, совсем как тряпичная кукла.

– Да. Я тебя очень хорошо понимаю, – согласилась с ним Ким, делая большой глоток кофе. Это видение стояло перед глазами и у нее – с того самого момента, как она переступила порог своего дома.

– А ее сестра? Готов спорить, что между ними есть нечто извращенное...

– При этом Вероника наотрез отказывается говорить с нами об их детстве. Интересно, смогла ли Стейси... – Инспектор замолчала и взглянула на своего коллегу. – Ты, конечно, хитер, Брайант, но больше ни слова. Уверена, что все эти разговоры во вне рабочее время считаются *работой*.

– Черт побери, – сержант тяжело вздохнул. – Знаешь, в моем возрасте приходится по максимуму использовать свое серое вещество, потому что не за горами тот день, когда...

– Или мы говорим с тобой о погоде, или проваливай.

– Боже, Ким, и с каких это пор ты такая законопослушная?!

Ее саму это удивляло. Обычно она следовала правилам очень выборочно – и это в лучшем случае... Но не тогда, когда это касалось благополучия членов ее команды.

– Так вот, ливень, который прошел сегодня днем...

– Не выйдет, – сказал Брайант, слезая со стула. – Не собираюсь сидеть здесь и обсуждать погоду. Я исчезаю.

Ким улыбнулась ему в спину.

– Отлично. Отправляйся домой и расслабься.

– Я и так, твою мать... расслаблен! – выкрикнул он в ответ, прежде чем захлопнуть за собой дверь.

Неожиданно Ким пришло в голову, что эта неделя будет бесконечно долгой.

²⁰ «Эммердейл» – британская мыльная опера, выходящая на телеканале ITV с 1972 г. В основе сериала – жизнь семьи на ферме в Йоркшире, а также их отношения друг с другом и жителями близлежащей деревни.

Глава 20

– Ладно, ребята, гляди веселей, – сказала Ким, оглядывая своих сотрудников.

Пенн изучал свой телефон, Стейси рассматривала что-то на улице, а Брайант сидел с той же самой гримасой, с которой был и вчера. Да уж... Команда просто заново родилась после дополнительного времени на отдых.

Со своей стороны, Ким ощущала себя так, как будто не видела их вот уже много дней.

Сама она твердо придерживалась правил, чтобы подать им личный пример. В участок вошла не раньше 7.45, чтобы в 8.00 быть готовой к ежеутреннему брифингу. При этом никому не сказала, что последние полчаса провела в ожидании в машине.

– Пенн, у тебя есть что сказать, прежде чем ты отправишься в суд?

– Как раз проверяю, нужно ли мне туда идти, босс, – сержант отложил телефон в сторону. – Не совсем понятно, что там происходит.

– Но ты же говорил, что дело очевидное...

Ким надеялась, что Пенн освободится и вернется к делам в конце недели. Ей не очень нравилось то, что опросом соседей занимается инспектор Плант со своей командой.

– Вчера исчез свидетель защиты. Полиция его ищет, но пока никаких новостей.

– Ну, а как все остальное? В порядке?

– Все хорошо, босс, – Пенн поколебался. – И вчера я вполне мог заскочить на пару часиков.

– Ты сам читал меморандум, – напомнила ему инспектор.

– И мы что, так и будем его выполнять? – Две головы в комнате поднялись в надежде.

«Боже мой, – подумала Ким. – Это все равно что заставлять ребенка есть манную кашу. Знаешь, что это полезно, но при этом каждый новый глоток дается с боем».

– Да, будем, – ответила она.

Сигнал телефона Пенна сообщил о том, что пришло текстовое сообщение.

– Сосед так и не появился, – сообщил сержант, прочитав его, – но защита решила вызвать своего единственного оставшегося свидетеля, то есть его жену. Любопытно будет понаблюдать – ведь изначально ее приглашали как свидетеля обвинения...

Ким кивнула, и Пенн отодвинул стул. Такое иногда случается. Свидетелей тасуют, как колоду карт, чтобы избежать перерывов в слушаниях и не нервировать лишний раз присяжных. После начала слушаний их отсрочка не отвечала ничьим интересам. Так что расписание менялось, встречи переносились, эксперты держались на коротком поводке, а члены семей были нацелены на результат любой ценой. Можно быть уверенным, что будет сделано все возможное, чтобы суд продолжился.

– «И их осталось трое...»²¹ – пробормотала Ким, когда Пенн закрыл за собой дверь, и подошла к доске. – Итак... Стейси – отличная работа с телефонами и переговорами между Белиндой и ее сестрой. У нас все еще нет логичного объяснения их отношений, и я хочу, чтобы ты продолжила раскопки. Я хочу знать все, что ты сможешь узнать об этих двух дамах: родители, друзья детства, соседи, молодые люди – все что можно.

Периферическим зрением она заметила, что Брайант с чем-то не согласен.

– Ну давай, говори, – сказала инспектор, не поворачивая головы.

– У Вероники алиби. Ты же не думаешь, что она...

– И заодно, Стейси, проверь это алиби, – распорядилась Ким. – Разговор по «Скайпу» с редактором «Телеграф» доказать, думаю, будет несложно, и тогда мы сможем полностью исключить возможность ее участия в преступлении.

²¹ Фраза из детской считалки, легшей в основу знаменитого детектива А. Кристи «Десять негритят».

– Понятно, босс, – Стейси сделала соответствующие пометки. Ким с облегчением увидела, что констебль немного расслабилась.

– А с какой стати, ворчун, – спросила она, поворачиваясь к своему коллеге, – мы должны исключать ее без проверки ее алиби?

– Но она ведь...

– Только не вздумай сказать, что она не похожа на убийцу. Лучше скажи мне, когда последний раз мы арестовали кого-то, кто был бы на него похож. Ты что, никогда не слышал о случаях сорорицида²²?

– Э-э-э-э... нет, – ответил Брайант – А если таковое и случилось – это что, заразно?

– Сестра, случилось, убивала собственную сестру, – продолжила Ким, – в основном в тех случаях, когда соперничество между родственниками выходило из-под контроля и приводило к смерти одного из них. Например, Рональд Дефео-младший²³ в семьдесят четвертом застрелил обеих своих сестер. И именно после этого появились ужастики из серии «Ужасы Амитивилля». Карла Хомолка²⁴ и Пол Бернардо изнасиловали сестру Карлы Тэмми, а потом убили ее в девяностом году, а Юки Муто убил свою сестру в...

– Кажется, вчера кто-то потратил свое свободное время на исследования в этой области, – заметил Брайант, барабаня пальцами по столешнице.

– Как же, жди... Просто случайно наткнулась на статью, когда открыла лэптоп, – соврала Ким. Вчера вечером, через двадцать минут после того, как Брайант ушел, она не смогла побороть искушение.

– А-а-а-а, я все поняла, – подала голос Стейси. – Значит, если открываешь компьютер и вдруг натыкаешься на нечто...

– Я же сказала – это произошло чисто случайно.

– Ну да, споткнулась и с головой погрузилась в «Википедию», – заметил Брайант у Ким за спиной, когда она проходила мимо.

– Босс, там в журнале еще остались непроверенные телефонные номера; так что, мне...

Черт побери, Пенн бы сейчас пришлось как нельзя кстати. Для одной Стейси работы было слишком много.

– Сначала закончи с ними, а потом переходи ко всему остальному.

Стейси согласно кивнула. Констеблю предстоял тяжелый день, но Ким показалось, что та против этого вовсе не возражает.

– Мы с Брайантом займемся ее последним местом работы, мужчиной, с которым она встречалась, и попытаемся выяснить, куда она собиралась ехать.

– У нее что, в чемодане были презервативы? – Глаза Стейси широко раскрылись.

– Это говорит о том, что она, по сути своей, была ответственным человеком, – ответила Ким.

– Но я имею в виду...

– Стейси, – Брайант сложил руки на груди, – если ты хотела упомянуть ее возраст, то скажу тебе по секрету, что даже на пенсии у людей сохраняются нормальные желания. А возраст в шестьдесят лет и выше не защищает от заболеваний, передающихся половым путем.

– Ну да, понимаю. Просто я...

– Стейси Вуд, – не сдержался Брайант, – как вы можете списывать кого-то со счетов только потому, что они достигли...

²² От латинского *soror* (сестра) + *cide*, от *caedere* (вырезать, чтобы убить) – это акт убийства собственной сестры.

²³ *Рональд Дефео* (1951–2021) – американский убийца, который 13 ноября 1974 г. убил своего отца, мать, двух сестер и двух братьев. Его преступление повлекло за собой возникновение легенды об «Ужасе Амитивилля», о чем повествует одноименный роман, на основе которого, в свою очередь, было снято множество фильмов в жанре хоррор.

²⁴ *Карла Хомолка* (р. 1970) – канадская серийная убийца, также известная под именами Карла Линн Тил и Линн Борделе. Карла и ее муж, а также соучастник преступлений Пол Бернардо, были арестованы в 1993 г.

– Не обращай на него внимания, Стейс. Он злится, потому что сам подходит к этому возрасту.

Сержант открыл было рот, чтобы ответить, а Стейси хихикнула.

Ким жестом заставила Брайанта замолчать, потому что зазвонил ее телефон.

– Китс?.. – произнесла она в трубку.

– Вы мне срочно нужны.

– И вам тоже доброе утро.

– Мне надо вам кое-что показать. Я нашел ответ.

Абонент отключился.

А она даже не догадывалась о том, что у кого-то был какой-то вопрос...

Глава 21

Пенн появился в суде чуть раньше, чем накануне.

Войдя в здание, он заметил Линн и Дуга, которые убивали время в кафе в дальнем левом углу холла. Увидев мистера Капура, стоявшего в самом конце очереди в ожидании, когда можно будет пройти на галерею для публики, сержант притормозил и направился к отцу убитого. Мистер Капур не выступал в качестве свидетеля, так что общаться с ним можно было свободно.

– Как ваши дела? – спросил Пенн, протягивая руку.

– Честно сказать, сэр, я хочу, чтобы все поскорее закончилось. Не хотелось бы, чтобы это действие омрачало память о сыне.

Пенн хорошо понимал его. У этого человека за спиной было двадцать три года, когда они вместе с убитым праздновали Рождество, дни рождения, отмечали первые шаги в школе, в колледже, выпускные вечера, – а все, что он запомнил из всего этого, были несколько последних минут в жизни его сына. И так будет до тех пор, пока негодяй, совершивший убийство, не получит по заслугам. А Пенну очень хотелось, чтобы в душе у этого человека наступил наконец относительный покой.

– А как миссис Капур?

– Она все еще винит во всем меня, – мужчина смотрел на свои ноги, – и я ее понимаю. Я был глупцом. Надо было слушать вас. – С этими словами он поднял голову и кивнул на полицейских, сидевших в кафе. – Надо было установить камеры наружного наблюдения. А так мы были легкой добычей для любого прикурка. Но я не мог их себе позволить. Неделями мы ничего не зарабатывали, но деньги надо было найти...

Пенн сочувствовал этому человеку. Открытие минимаркета по соседству с его бензоколонкой нанесло бизнесу Капура серьезный удар. Скучный набор выпечки и других товаров не мог соперничать с ярко освещенными витринами дальше по улице. А если слухи о том, что «Теско» собирается открыть свой супермаркет в полутора милях, были верны, то скоро с продажей горячего тоже настанут тяжелые времена.

Пенн чувствовал волны сожаления, исходившие от мистера Капура, – если бы он знал, чем все это закончится, то на коленях умолял бы одолжить ему деньги или даже украл бы их, лишь бы иметь возможность укрепить безопасность собственного заведения. Но он этого не знал – и вот его сын мертв. Сержант всей душой жаждал, чтобы убийца получил по полной, тогда у мистера Капура появится возможность начать новую жизнь.

– А с делом все в порядке, сэр? – Несмотря на все просьбы Пенна, мистер Капур обращался к нему только официально. – Вчера я заметил какую-то заминку... Все хорошо?

Сержант понял, что, скорее всего, Капур заметил некий переполох, когда выяснилось, что один из свидетелей исчез.

– С нашей стороны все отлично, мистер Капур, – заверил он, дотронувшись до руки мужчины, и добавил, прежде чем отойти: – Если что-то случится, я вас найду.

– Ну, какие новости? – спросил он, подходя к Линн и Дугу.

Линн отрицательно покачала головой, а Дуг пожал плечами, словно желая сказать: «А кого это колышет?»

– Защита собирается вызвать жену Григория, чтобы у полиции было больше времени на розыски Макканна, – сообщила Линн.

– Что ж, повеселимся, – сказал Дуг, потирая руки, и они направились в зал суда.

Пенн был настроен на встречу со свидетелем обвинения, а вместо этого их ожидала Ирина Нориева.

С ней он встречался уже дважды, и никакой речи о веселье во время этих встреч не шло.

Глава 22

Не успел Брайант открыть рот, а Ким уже знала, что он собирается сказать. Ее удивило только то, что он начал этот разговор, когда они уже подходили к моргу.

– Ты же видела, в каком состоянии Стейси? И знаешь, что ее убивает, когда каждый день ты отправляешь ее домой ровно в пять часов?

Ну конечно, она заметила, что происходит с констеблем.

– Просто у нее сейчас период адаптации. Привыкнет. У нее появится много свободного времени, она сможет завести новых друзей или пойти на кулинарные курсы... Так что не доставай меня. Я ничего не могу сделать.

– И это вы называете срочно? – встретил их Китс, когда они вошли в прохладное стерильное помещение.

– Только не начинайте, – предупредила она его.

– А вы что, теперь только по полдня работаете? – Естественно, ее предупреждение вызвало у патологоанатома обратную реакцию.

– Ну, и что тут у вас? – спросила Ким, опершись о металлический поднос.

– Руки прочь, – потребовал Китс и шлепнул ее по пальцам линейкой, которую держал в руках.

– Ой-ей, – инспектор потеряла руку.

– Я только что все здесь убрал. – Эксперт протянул руку за планшетом.

Взглянув на Брайанта, Ким беззвучно спросила его, значит ли это, что она может поводить Китса мордой по подносу. Быстрое отрицательное движение головы сержанта сказало ей, что НЕТ.

Так как линейка все еще была в руках патологоанатома, Ким спрятала свои в карманы, не только для того, чтобы защитить их, но и для того, чтобы не было соблазна схватить Китса за горло.

– Так вот, мы тут еще немного пообщались с Белиндой, и оказалось, что у нее есть что сказать. Я могу подтвердить, что она вела активную половую жизнь и...

– Черт побери, Китс, как вам удалось разузнать такое? – спросила Ким, не понимая, что это может дать им с практической точки зрения.

– А вот как. – С этими словами Китс положил на металлический поднос фотографию.

Взглянув на нее, детектив увидела розовую кожу, покрытую какими-то выростами.

– Это остроконечная кондилома²⁵, – пояснил Китс. – ВПЧ – вирус папилломы человека. Штука неприятная, очень болезненная и легко передается половым путем.

Какое-то время Ким переваривала информацию, пытаясь представить себе образованную леди средних лет, хорошо одетую, хорошо выглядящую и при этом сексуально озабоченную.

– И это еще не все, – продолжил патологоанатом, выкладывая на стол еще две фотографии.

Ким протянула руку, положила фотографии рядом, а потом перемешала их, не понимая, на что она сейчас смотрит.

– Руки, – предупредил ее Китс и вновь ударил по пальцам линейкой.

– Китс, клянусь, еще один раз, и я...

– Перед вами, – эксперт указал линейкой на первое фото, – уголки рта Белинды, снятые с большим увеличением. Вот эти места. – Он указал линейкой на то место, где его собственная

²⁵ Разновидность кондилом. Представляет собой маленькие выросты телесного цвета, которые могут появляться на половых органах, вокруг заднего прохода, иногда во рту. Как правило, они обусловлены вирусной инфекцией, вызываемой возбудителем – вирусом папилломы человека (ВПЧ).

верхняя губа соединялась с нижней. – Вы можете видеть крохотные разрывы на коже с обеих сторон. А вот это, – тут он повернул второе фото так, чтобы инспектору было виднее, – следы возле ее ушей, старательно замазанные косметикой.

Ким в недоумении покачала головой.

– Это следы кляпа с шариком, инспектор. Обычно он ассоциируется с садомазохизмом. Шарик берут в рот, а кожаную ленту закрепляют на затылке.

– И все-таки я не понимаю...

– Брайант, найди для нее в «Гугле» соответствующую статью, хорошо?

Сержант достал свой смартфон, нажал несколько кнопок и показал Ким экран.

– А, понятно, – сказала она, искренне не понимая, как подобный предмет может усилить сексуальное наслаждение. – Китс, а откуда вы сами, черт побери...

– Работа у меня такая, инспектор.

– Получается, что наша жертва не только уважала секс, но и любила сексуальные игры...

– И, мне кажется, стоит выяснить, с кем она в них играла, – заметил Брайант. – Таким образом, возможно, мы найдем нашего...

– С сексом это никак не связано, – заявила Ким, обходя стол и предусмотрительно спрятав руки в карманы.

– Послушай, командир, – сержант недоверчиво посмотрел на нее, – эта женщина всегда имела при себе запас презервативов, у нее болезнь, передающаяся половым путем, и она любительница сексуальных игр...

– Вот именно. Она действительно сексуально активна, чего не скажешь об убийце.

– Но, может быть, это как-то связано с сексуальными игрищами, во время которых что-то пошло не так... – не сдавался сержант.

– Нет никаких признаков того, что убийство сексуально мотивировано, – Ким упрямо покачала головой. – Половой контакт отсутствует...

– Но для того чтобы убийство было сексуально мотивировано, половой контакт вовсе не обязателен, – возразил Брайант.

– Согласна, но ее одежда не тронута и половые органы не повреждены. С нее ничего не сняли, ее нигде не трогали. А следы на шее находятся в таком месте, где их можно оставить, не трогая одежду.

– А что, если она наградила этой болезнью партнера, у которого это не вызвало восторга?

– Но и в этом случае речи о сексуальной мотивации нет, – заметила Ким. – Основной мотив здесь – месть.

– Вся надежда на тебя, – Брайант обернулся к Китсу.

Патологоанатом похлопал себя линейкой по подбородку.

– Прости, но, хоть я и потрясен этим фактом, мне придется в данном случае согласиться с твоим боссом, да простит меня Бог. – Китс поднял глаза к потолку и продолжил: – По моему опыту, сексуально мотивированные убийства трудно спутать с какими-нибудь другими: обычно с жертвы снимают одежду, часто рвут ее, половые органы хорошо видны и часто повреждены, а в некоторых случаях полностью удалены. Это данность. Это то, на что убийца хочет обратить твое внимание в первую очередь, и неважно, по какой причине. Это может быть фетиш или что-то другое, но они должны быть ясно видны, как некий символ. Как послание всем остальным.

Было видно, что Брайант все еще не согласен с ними, и Ким догадывалась почему.

– Ее возраст путает тебе все карты, – сказала она, глядя на сержанта через стол.

– И не говори...

– Если б перед нами лежала женщина лет двадцати-тридцати, ты воспринял бы ее половую жизнь как нечто естественное. Но она гораздо старше, и для тебя ее половая жизнь выхо-

дит на первый план: мол, если женщине за шестьдесят и она любит извращенный секс, то это единственная причина, по которой ее могут убить.

– Китс, и ты тоже согласен с этой хренью? – взмолился Брайант.

– Я лучше промолчу, – патологоанатом покачал головой. – Дважды в течение дня признать правоту твоего босса – это слишком даже для меня. Кроме того, хотя я и обожаю смотреть, как во время спора вы готовы вцепиться друг другу в глотки, у меня есть и другие дела, так что...

– Благодарю, Китс, – Ким направилась к двери, размышляя над тем, что только что узнала.

– Не так быстро, инспектор. Не буду скрывать – мне очень хочется, чтобы вы исчезли, но я еще не сообщил вам тот ответ, ради которого пригласил сюда.

– На вопрос?..

– О сорока семи повреждениях на кисти левой руки.

– И?.. – поторопила его инспектор.

– А мне казалось, что теперь для вас это должно быть кристально ясно, – ответил патологоанатом с хитрой улыбкой.

Неожиданно все встало на свои места.

– Линейка? – уточнила детектив, потирая левую руку.

– Когда-то косточки на левой кисти нашей жертвы постоянно подвергались воздействию острого металлического предмета.

Глава 23

Пенн затаил дыхание, когда Ирина Нориева прошла вперед для дачи свидетельских показаний. По пути она одаривала всех сидящих презрительными косыми взглядами.

И опять он не мог не обратить внимания на то, насколько разительно ее внешний вид сейчас отличается от тех двух раз, когда ему приходилось встречаться с ней раньше. С лицом, застывшим в постоянной хмурой гримасе, она всегда напоминала ему дикое животное, готовое в любую минуту броситься на свою жертву. Сегодня волосы были уложены лучше, косметика наложена более старательно, украшения подобраны с большей тщательностью. Но враждебное выражение лица осталось прежним.

Пенн внимательно следил за тем, как Ирина приносила присягу, и вдруг понял, что за все это время она ни разу не взглянула на своего мужа.

Представитель защиты встал и улыбнулся свидетельнице, которая ответила ему такой же улыбкой.

– Миссис Нориева, насколько известно суду, вы выступаете в качестве свидетеля обвинения на заседании, на котором рассматривается причастность вашего супруга к убийству.

И опять она не взглянула в направлении мужа и предпочла промолчать. Очевидно, ей посоветовали поступать так до тех пор, пока к ней не обратятся с прямым вопросом. Хорошо зная ее, Пенн мог только гадать, как долго она сможет придерживаться этой тактики.

– Ранее вы засвидетельствовали, что двадцать шестого октября прошлого года вашего супруга не было дома. Это так?

– Да.

– Вы также сказали, что не имеете понятия о том, где он провел тот вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.